

Татьяна

Андрианова

Здравствуйте, я баба ведьма!

Прошу любить и не жаловаться!...

Татьяна Андрианова
Здравствуйте, я ваша ведьма!
Серия «Здравствуйте, я
ваша ведьма!», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171479
Здравствуйте, я ваша ведьма!: Фантастический роман: Альфа-книга;
Москва; 2008
ISBN 978-5-9922-0224-3

Аннотация

Меня зовут Виктория Загнибеда, и я – ведьма. Звучит как признание на собрании общества анонимных алкоголиков. Но это действительно так. Профессора Академии Колдовства, Чародейства, Магии и Волшебства вздохнули с облегчением, когда я покидала стены альма-матер, и с чувством выполненного долга распределили меня в село, куда уже лет сто никого не присылали. Видимо, надеялись, что славные деяния бездарной ученицы до них не дойдут ввиду дальности расстояния. И что я им такого сделала? Правда, стоило мне только появиться на месте работы – такое началось... Словом, целой команде истребителей не расхлебать. А я что? Я ничего. И почему мне не верят?

Содержание

1	4
2	8
3	16
4	22
5	28
6	35
7	42
8	47
9	55
10	59
11	66
12	79
13	84
14	88
15	94
16	98
17	105
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Татьяна Андрианова

Здравствуйте, я ваша ведьма!

1

Стоял душный, знойный июльский день. Ни облачка на небе, ни тучки на горизонте. Я нерешительно топталась на пороге сельсовета села Малые Кузьминки, – в синих джинсах, в белой, промокшей от пота футболке и сандалиях на босу ногу. Вместительная спортивная сумка оттягивала плечо. Единственное, что отличало меня от местного обывателя, – несколько амулетов на шее и деревянные четки с оберегами на руке вместо браслета.

Меня зовут Виктория Загнибеда, и я – ведьма. Звучит как признание на сборе Ассоциации анонимных алкоголиков. Но это действительно так. Очень редко в семье, не имеющей никакого отношения к магии и волшебству, рождается настоящая ведьма. Мой дар обнаружился в двенадцать лет, когда я умудрилась превратить контрольную работу соседки по парте в лягушку. Земноводное получилось белое в клеточку, как листок из ученической тетрадки; оно противно квакнуло и шустро ускакало в коридор, где было съедено пи-

тоном Яшкой, выбравшимся из террариума живого уголка.

Как оказалось впоследствии, столь эффектное превращение контрольной было моим самым крутым деянием как ведьмы. Родители гордились мной. Меня тут же отправили в спецшколу для магически одаренных, затем в Академию Колдовства, Чародейства, Магии и Волшебства. В результате нескольких лет безуспешных усилий со стороны учителей на свет выпущена посредственная ведьма с минимальными оценками по предметам и такими же способностями. Профессора вздохнули с облегчением и с чувством выполненного долга дали мне распределение в село, куда уже лет сто никого не посылали. Видимо, надеялись, что слава о деяниях бездарной ученицы до них не дойдет ввиду дальности расстояний.

Я еще раз глубоко вздохнула, перекинула светло-русую косу через плечо, поправила тяжелую сумку и сотворила небольшое заклинание на пасмурную погоду. Маленькие тучки не повредят сельскому хозяйству, а мне будет куда приятнее выйти из помещения, когда спадет невыносимая жара.

К моему удивлению, заклинание сработало. На небе действительно появилась тучка, прямо надо мной. Тучка спустилась ниже, залетела под козырек сельсовета, грянул гром, сверкнула молния, и полил ливень. Я вымокла практически мгновенно. Во избежание простуды пришлось поспешить в помещение, но проклятая тучка последовала за мной.

Секретарь сельсовета, дородная женщина, смачно жуящая малосольный огурец, минут пять созерцала молодую ведьму с персональным душем над головой. Я поежилась от сырости, чихнула и выложила перед ней направление.

– Дак вам к председателю надо, – махнула она надкушенным огурцом в сторону закрытой двери с табличкой «Глава администрации с. Малые Кузьминки». – Он как раз у себя.

Глава администрации оказался, не в пример своему секретарю, сед и худосочен. В своем черном костюме, минимум на размер больше, он выглядел как всклокоченное пугало, сбегавшее с огорода из-за несусветной жары, отчаянно потел, но пиджак не снимал. Берёг авторитет.

– Что это вы, уважаемая, мне весь ковер замочили? Мы влажную уборку не заказывали, так что денег с нас не сдерете. Даже не думайте.

В подтверждение своих слов глава сложил крепкий кукиш и помахал им из-за своего стола.

От такого приема я немного опешила. Честно говоря, я рассчитывала, что о моем прибытии в деревне должны знать. Распределяют не с бухты-барахты, обычно поступает заявка из местных органов самоуправления. А туда ли я попала?

Я вернулась назад и еще раз внимательно изучила табличку на двери. Так и есть: «Глава администрации с. Малые Кузьминки». Никакой ошибки.

– Здравствуйте, я ваша ведьма, – неуверенно выдохну-

ла я. – По распределению.

Мужчина оторопело моргнул и принялся внимательно изучать мое направление. Даже очки надел, разве что на зуб не попробовал. Затем поднял на меня глаза.

– О! Здравствуйте, госпожа ведьма! – расплылся в улыбке глава, будто не он только что махал перед моим лицом фигой. – Жарковато что-то сегодня, не находите?

Это он на мой дождик намекает?

– Давайте знакомиться. Я – глава администрации, Сергей Алексеевич Овцынов.

– Виктория Загнибеда, – с вымученной улыбкой откликнулась я и чихнула, пока он тряс мою мокрую от дождя руку. Так и воспаление легких подхватить можно... Стоп! Я же ведьма. Нужно просто развеять чары. Я сотворила заклинание, но развеяла не тучку, а стул Овцынова. Предмет мебели исчез с легким хлопком. В этот момент мужчина как раз собирался на него сесть и со всего размаха грохнулся копчиком об пол.

– Опс! – Это все, что я могла на это сказать.

– Ничего-ничего, – махнул рукой глава откуда-то из-под стола, словно стулья у него исчезают несколько раз на дню и он давно смирился с сим прискорбным фактом. – Жильем мы вас обеспечим, не сомневайтесь...

Через некоторое время мне удалось-таки избавиться от надоедливой тучки. Правда, попутно из села исчез один фонарный столб и калитка сельсовета. Но ведь это мелочи, не правда ли?

А при виде этого самого жилья у меня от удивления отвисла челюсть, а глаза полезли на лоб. Честно говоря, эту, с позволения сказать, избушку без курьих ножек жилищем нельзя назвать даже с натяжкой. У Бабы-яги из русской народной сказки и то условия проживания получше будут. Неужели Овцынов так из-за стула расстроился и это – его страшная месть? Просто маньяк! Я ему пять новых куплю... Или даже десять, если поселит меня в нормальном жилище. Конечно, на джакузи я не претендую, но баня – святое. А это что?

Покосившаяся халупа, вросшая в землю почти до окон, с растрескавшимися от времени деревянными наличниками. Худая черепичная крыша щеголяла гнилыми стропилами и огромными дырами, она явно грозила обвалиться на голову смельчаку, рискнувшему зайти в аварийное жилье. Покосившаяся дверь висела на единственной ржавой петле. Стены бревенчатого сооружения поросли мхом. И это только вид снаружи. Даже не хочется думать о том, что внутри.

Глядя на мой полный «энтузиазма» вид, местный пенсионер Пафнутыч, любезно подбросивший меня на те-

леге до места жительства, вручил мне спортивную сумку и не без ехидства заметил:

– А ты что ожидала, деточка? Палаты царские? Так ведь у нас графьев, чай, давно нетути. В домишке никто не жил, почитай, лет сто. Вот он и покосился малость.

Ничего себе «малость»!

– А я-то как здесь жить буду? – убито прошептала я.

– Ничего, устроишься как-нибудь, – отмахнулся старик. – Вон Ванька из лесу вернется, вмиг все поправит.

– Кто такой Ванька? – хотела спросить я, но вопрос повис в воздухе. Пафнутьич уже удалялся в сторону деревни под веселый цокот конских копыт. Прытко бежала серая лошадка, подпрыгивала на грунтовой дороге деревянная телега.

Первым порывом было – бежать. Догнать Пафнутьича и на коленях умолять подбросить до железнодорожной станции. Ну не могу я жить в поле! Городская я! Всю жизнь прожила в квартире с удобствами. Я дернулась в сторону удаляющегося средства передвижения, но затормозила. Нет. От распределения отказываться нельзя. Надо как минимум лет пять перекантоваться, иначе меня с позором выгонят из Ассоциации ведьм и придется реализовывать себя на ниве других специальностей. Мне-то что? А вот родители не переживут. Они ведь мной гордятся.

– Да, Вика, – убито прошептала я, – вляпалась ты в жизнь двумя ногами.

Однако надо было устраиваться на ночлег. Наверняка в доме нет ни газа, ни электричества. Впрочем, это неважно. Еды все равно нет. Так что банкета не предвидится. Буду жить голодная, в развалюхе, в лесу, как отшельница. Кто-то очень не любил предыдущую ведьму, раз поселил ее у черта на куличках. Предприимчивый, хозяйственный народ даже на бревна не позарился. Это странно. Помню, попалась как-то мне на глаза статья о том, как в одном селе мужик поехал в город и загулял там на неделю, а когда вернулся – глядь, а дома-то и нет! Оказалось, односельчанину позарез нужен был сарай, а стройматериалов не наблюдалось. Вот и счел он дом, оставленный без присмотра, бесхозным и со спокойной совестью позаимствовал кирпич на нужды подсобного хозяйства. Не пропадать же добру.

Я осторожно, со всей возможной осмотрительностью вошла в дом. Шаткие, прогнившие и редкие, как зубы у жертвы кариеса, ступени отчаянно скрипели и опасно прогибались под моим весом, норовя и вовсе сломаться. Наверняка за время подъема на крыльцо у меня в шевелюре появились седые волосы. Дверь поддалась сразу. С зубодробящим скрежетом она покачнулась на ржавой петле, отворилась, глухо стукнувшись о стену. От удара из дерева выскочила последняя пара проржавевших гвоздей, и дверь рухнула на землю, едва не задев меня.

– Ой! – вскрикнула я, невольно подпрыгивая на месте от неожиданности. – Минус дверь!..

Ладно. Дверь в общем-то была никакая, – утешала я себя, наблюдая за оседающей пылью. Вора такая точно не задержит. А так хотя бы проветрится помещение. За сотню лет наверняка скопилась целая тонна пыли, а то и две.

В доме пахло плесенью, застоявшимся воздухом, с потолка живописными махрами свисала грязная паутина. В углу стояла грязная, давно не беленная печь. Я такие только на картинке видела. Понятия не имею, что делают с подобной штуковиной. Кажется, ее полагается топить. Только какой силач может дотащить ее до речки или пруда? Или, может, надо поливать печь из ведра? Но тогда пройдет целая вечность, прежде чем такая махина утонет.

Около тусклого окна стояли грубо сколоченные из досок стол и пара стульев. Вот, пожалуй, и все незамысловатое убранство моего новоприобретенного дворца. И где, спрашивается, кровать? Ну или хоть какое-нибудь ложе.

Кровати не наблюдалось. Даже самой захудалой лавки и то не было. Неужели придется спать на полу?

В печи кто-то шумно завозился. Я невольно подалась вперед, чтобы рассмотреть, кто бы это мог быть. Неужели домовый? Бедняга, прожил без людей целый век! Одичал небось. Может, и разговаривать разучился. В печи отчаянно чихнули, фыркнули, зашуршали.

– Кто там? – спросила я. – А ну вылазь!

Шорох прекратился. Видимо, тот, кто находился внутри, решал, стоит ли поддаваться на провокацию. Я ждала.

В конце концов, мне спешить совершенно некуда. Я теперь лет пять совершенно свободна. В печи молчали. Молчала и я. Становилось скучновато, аж на зевоту потянуло, а голову приклонить негде. Спать в антисанитарных условиях я не собиралась. Можно, конечно, попробовать прибраться, но чтобы привести данное жилище в более-менее сносный вид, необходима рота уборщиц, не меньше. Мне одной с такой задачей не справиться.

Я тяжело вздохнула. Вздохнули и в печи. Что они там, в самом деле, дразнятся? Я разозлилась и направилась к печке, исполненная решимости извлечь неизвестное создание наружу. Беда в том, что я не учла планов этого самого создания. Оно вовсе не собиралось покидать насиженное укрытие и, стоило мне только неосмотрительно засунуть беззащитную руку в печь, пустило в ход острые когти и зубы.

Вскрикнув от боли, я потащила руку наружу, но не тут-то было! К руке намертво прицепилось неведомое создание, оно издавало дикие вопли и всю орудовало многочисленными лапами. Словом, стояло насмерть по принципу «умри, но врагам не сдавайся». Я, отчаянно вереща, дергала рукой, стараясь вернуть пропадающую совершенно бесславно конечность, но безрезультатно. Ужас! Использовать заклинания невозможно, с моим счастьем я в лучшем случае обернусь лягушкой и упругаю к ближайшему болоту, в худшем – превращу печь в медвежий капкан. В обоих вариантах пострадаю только я.

Я уперлась в печь двумя ногами и дернула изо всех сил. Выхих я как-нибудь переживу, а потерю руки – нет. Рука вырвалась из плена, как пробка из бутылки с шампанским. Пены не было, только я на манер вышеупомянутой пробки отправилась в свободный полет, но не по вертикальной, а по горизонтальной плоскости и преболно врезалась в деревянный стол. Дыхание пресеклось. Я отчаянно ловила ртом воздух вместе с пылью, поднятой моим падением, когда стол пошатнулся и его столешница рухнула прямо мне на голову.

– Ой-ё! – воскликнула я, совершенно не представляя, какое из пострадавших мест баюкать первым.

Вместе с моей рукой из печки наподобие джинна из бутылки вырвалось нечто шарообразное, черное, лохматое, сверкающее зелеными глазами, ужасно вопящее. Оно врезалось в стену и повисло на ней, держась когтями. Затем, очухавшись, метнулось на потолок и зависло там.

Мне было очень больно, и я, не задумываясь о последствиях, не вспоминая о своих первоначальных добрых намерениях, запустила в монстра ножкой стола. Будет знать, гад, как пугать мирных граждан! Промазала. Досадно. Неизвестный издал леденящий душу вопль и заметался по потолку, по стенам, совершенно не задумываясь, где верх, где низ. А у меня оставались целых три ножки и доски столешницы. Все пошло в ход, даже стулья.

– Получай, тварь! Знай наших! – выкрикивала я, запуская в чудовище очередным снарядом.

Избушка стонала от ярости нашего сражения. Тем более что оружие у меня оказалось многоразового использования. Ножки стола – увесистые, тяжелые, я размахивалась и кидала их в места предполагаемого перемещения противника. Со стороны это напоминало игру в городки. Только там фигуры стоят на одном месте, а моя мишень мечется кругами.

Вдруг лачуга застонала как-то особенно жалостливо, пол под ногами содрогнулся и заходил ходуном, словно спина морского чудовища под водой. Я невольно пошатнулась, взмахнула руками, пытаюсь обрести утерянное равновесие, но не тут-то было. Раздался чудовищный скрип судна, напорвшегося днищем на барьерный риф, с потолка посыпалась сенная труха, пыль и разнообразная щепа. Я замерла от ужаса. Сейчас это роскошное жилище рухнет прямо на мою бедную голову и погребет под своими руинами незадачливую ведьму в самом расцвете лет и начале карьеры. Нет уж. Дудки. Не доставлю зловредному скряге Овцынову, сославшему меня из-за старого никчемного стула в тмутаракань, удовольствия поест на моих похоронах блинов с медом. Наверняка, гад, даже на путный памятник не разорится, просто завалит сверху обломками хижины и толкнет речь.

Я шустро подхватила сумку и метнулась к выходу, молясь, чтобы и без того шаткие ступени не успели обвалиться. Мечущееся кругами лохматое черное нечто, казалось, не замечало грядущей катастрофы. На секунду я замешкалась в дверях. Мне стало жаль несчастное создание. Но пришлось по-

давить в себе неуместный приступ сострадания к ближнему своему. Все-таки своя шкура намного дороже.

Ступени успели обвалиться. Бревенчатые стены ходили ходуном, со стороны казалось, будто дом пустился в пляс под одному ему слышную музыку. Я зажмурилась и сиганула вниз на свой страх и риск. Тут уж не до прицельных прыжков. Перелом я как-нибудь переживу, а вот погребение под массой бревен в мой обхват толщиной – нет. Это называется умением выбирать приоритеты.

Земля встретила жестко. Как я ни старалась, смягчить приземление не удалось. Что-то хрустнуло. Но что? Я осторожно открыла глаза и постаралась оценить нанесенный мне ущерб. Ноги малость отшибла. Ничего, немного поболеят и перестанут. Переломов и вывихов нет – уже повезло. Что же тогда так хрустнуло? Мой хрустальный шар!.. Для ведьмы нет ничего худшего, чем потерять свой шар. Это означает, что связь с другими потеряна. Правда, мой шар был сильно б/у и почти всегда изображение оставляло желать лучшего, но это был мой шар. Что ж, будем считать, что бесценная реликвия пала жертвой безжалостной схватки с многочисленными врагами типа болотной жути или целой стаи волколаков.

Проявив невероятное мужество и самообладание, я сумела принять свершившееся как неизбежность бытия, полного опасностей. Поднялась на ноги, отряхнулась. Избушка нача-

ла рушиться. Первой обвалилась черепичная кровля. Прогнившие стропила рухнули внутрь, подняв столб столетней пыли, бревна основания дрогнули и поехали в разные стороны. Лачуга складывалась наподобие гигантского карточного домика, и мне необходимо было менять дислокацию, иначе может сшибить гигантским бревном вместо кегли.

И тут произошло нечто уж совсем из ряда вон выходящее. Мне на загрибок приземлился кто-то когтистый, трясущийся от страха. Я замахнулась было на наглеца сумкой, но по инерции сделала два полных оборота вокруг своей оси, наподобие юлы, и пребольно врезалась локтем в дерево.

– Ой-ё! – воскликнула я, потирая ушибленное место.

Как назло, заболело сразу все. Ноги вспомнили мое неудачное приземление, рука – когти и зубы неизвестного существа, локоть разболелся еще сильнее, на нем просто на глазах наливался багрянцем здоровенный синяк.

Только этого мне не хватало. Я цепко схватила сидящего на моей шее. Это из-за него, кто бы он ни был, мой локоть так «похорошел». Рука уцепила нечто пушистое и волосатое, напуганное и дрожащее. Этим «нечтом» оказался обычный кот. Немного крупнее своих собратьев, отъевшийся на полевых мышках и хомяках, кошак полностью смирился со своей печальной участью. Казалось, по его несчастной морде вот-вот пробежит скупая слеза несчастной жертвы гонений и репрессий.

Разве может подняться рука на такое несчастное созда-

ние? Кот почувствовал мою нерешительность, скосил изумрудные глаза в мою сторону и громко замурлыкал. Нет. Теперь точно не смогу ничего с ним сделать. Уничтожать мурчащее животное – это уже слишком. Ладно. Пусть живет. Имя дам ему позже. Сейчас предстоят дела поважнее. Какие?

Например, объяснить Овцынову, как случилось, что я разрушила избушку, протянувшую без моего присутствия более ста лет и, возможно, пережившую бы и второе пришествие, если бы не мое появление. Что-то подсказывало мне, что Овцынов не очень обрадуется подобному известию.

Предчувствия меня не обманули. Редкий случай, но факт. Овцынов сначала остолбенел, как памятник труженику села, а потом принялся орать так, что я начала предполагать наличие в его роду баньши. Стены сельсовета тряслись от его вопля. Или стенания? Не знаю, как правильнее назвать этот звук. Возможно, именно так орут в джунглях знаменитые обезьяны-ревуны. Вопль, призванный устрашать соперников, произвел на меня поистине глубокое впечатление.

– Успокойтесь, уважаемый Сергей Алексеевич! – миролюбиво промурлыкала я. – Ну что, собственно, такого страшного произошло? Честно говоря, хибара была никакая...

Мои попытки успокоить председателя провалились с треском.

– Никакая?! – взревел он, брызжа слюной в мою сторону. На всякий случай я отошла подальше. Сегодня я уже умы-

валась.

– Да эта замечательная изба повидала на своем веку не менее дюжины ведьм! Она, если хотите, гордость нашего села, памятник русского зодчества, так сказать!

– Ну если это был памятник, зачем вы в него живых людей селите, да еще не отреставрировав как следует? – справедливо заметила я.

– А где прикажете вас селить?

– Не знаю. Но на этот случай у вас должно быть предусмотрено жилье поновее. Если запросили себе ведьму, будьте любезны обеспечить ее подобающим жильем, – отрезала я.

– В нашем селе ведьму селят за околицей.

– Это кто ж такое придумал? – возмутилась я.

– Умные люди, вот кто! – хлопнул ладонью по столу Овцынов. – И правы были наши пращуры! Вы, госпожа ведьма, за один только день нашему селу урона нанесли больше, чем все семь войн магов, вместе взятые.

Ну не такой уж урон... Подумаешь – стул, калитка, фонарный столб и столетняя изба. Нашел повод для огорчения.

– Значит, жильем вы меня обеспечивать не собираетесь? – на всякий случай уточнила я.

Поневоле задумаешься: а так ли мне не удаются проклятия? Может, испробовать парочку прямо сейчас? Если перестараюсь, ничего страшного, лишь бы по мне не шибануло.

– Именно так. Я вообще считаю, что штатная ведьма нам

ни к чему. Урожай у нас, слава богу, хорошие, нечисть в лесах не водится. Жили сто лет без вас, и далее не хуже будет.

Я открыла рот от изумления. Ничего себе! Он что, дает мне отставку? Обидно, черт побери. Хотя... Если он сгоряча прямо сейчас подмахнет мое направление и официально откажется от моих услуг, то есть все шансы первым же поездом укатить обратно в Москву. Понадобилось все мое самообладание, чтобы не дать ни единому лучику радости просиять на моем перекошенном злобой лице. Вдруг передумает?

– Если я правильно вас, любезный, поняла, вы отказываетесь от моих услуг? – чуть мягче уточнила я.

– Да!!! – проревел Овцынов.

– Тогда подпишите мое направление, и мы разойдемся, как в море корабли, – вкрадчиво намекнула я, сдерживая радостное ликование в голосе.

В Москву... – мечтательно думала я, глядя, как председатель подписывает мое направление. Никаких избушек! Ванна, теплая чистая постель, белоснежные простыни... Я спала бумагу одновременно с последним росчерком шариковой ручки. От избытка положительных эмоций бросилась опешившему Овцынову на шею, смачно расцеловала в обе щеки, вызвав у мужчины румянец, и закружилась по комнате в вальсе.

– Что это вы так радуетесь? – прокашлявшись, поинтересовался все еще пурпурный председатель. – Поезд на Москву будет только завтра. Так что ночевать все равно придется

в лесу.

– В лесу? – опешила я.

В мозгу возникла неутешительная картина ночевки на сырой земле: лежу, свернувшись калачиком, в обнимку с сумкой, к тому же на голодный желудок. Вокруг рыщут голодные звери и огромных размеров комары пикируют как истребители.

– Не волнуйтесь – палатку, спальный мешок и сухой паек мы вам выдадим, – успокоил меня председатель.

– Мне нужно еще молоко, – все еще пребывая в шоке, выдохнула я, – для него...

С этими словами я извлекла за шкурку из сумки дремавшего кота. Кот обзрел председателя зелеными глазами и, издав боевой клич «мя-а-у-у!!!», хватил его когтистой лапой по лицу.

Утро встретило меня недобро. Едва проснувшись, я обнаружила возле собственной беззащитной щеки огромную серую крысу. Правда, грызун был мертв, но мне от этого не легче. Одно дело, когда крысы нужны для приготовления зелья, другое – обнаружить их в собственной постели, пусть и импровизированной. Я издала вопль Тарзана, упавшего с дерева, хотя мой крик наверняка был гораздо сильнее, и выскочила из палатки как ошпаренная.

– Кот! Где этот кот! Дайте его мне, и ему конец! – вопила я, рыская по округе разъяренным взглядом.

Интуиция говорила, что виновник происшествия именно черный кот, найденный мной вчера в печке.

Но кота, как назло, видно не было. Только стайка местных ребятишек, напуганная моими дикими воплями и видом взъерошенной со сна ведьмы, жаждущей пролить чью-то кровь, прыснула в разные стороны. Один незадачливый бегун поскользнулся на мокрой от травы росе, шлепнулся на мягкую точку и затаился, надеясь, что я его не замечу. Заметила.

– А тебе чего надо? – далеко не дружелюбно поинтересовалась я.

Нет, в принципе детей я люблю. Только к этому моменту была сыта по горло прелестями деревенской жизни вооб-

ще и конкретно этой деревней в частности. Поэтому срывала злость на всех подряд, совершенно не испытывая ни малейших угрызений совести. В конце концов, если заставили меня спать практически на голой земле – не удивляйтесь, что я с утра зла, как тысяча чертей, и примерно так же мила.

Хрупкий мальчонка испуганно втянул голову в худосочные плечи и еле слышно пискнул:

– Тетя ведьма! Вас все ждут.

– Как мило с их стороны проводить меня всем селом, – искренне умилилась я, готовясь простить все обиды разом.

Правда, отчего-то было такое ощущение, словно милые жители деревни, проводив глазами мой поезд, тут же бросаются окроплять деревню святой водой. Но я их за это не могла винить. Начали мы знакомство не очень гладко.

– Ладно, пошли. – В порыве великодушия я протянула мальчику руку.

Тот испуганно уставился на меня, видимо соображая, чем ему может грозить отказ или согласие принять мою помощь. Я хотела было обидеться, но передумала. Боится – значит уважает.

К моему немалому удивлению, деревенский мальчишка вывел меня не к железнодорожной станции, а на местный луг, где толпилась куча народу. Я задумчиво обозрела присутствующих, выделила из толпы Овцынова и направилась прямо к нему.

– Доброе утречко, – мило поздоровалась я. – По какому

поводу собрание? Решили проводить меня всем селом? Тогда я сильно разочарована отсутствием оркестра.

Овцынов смерил меня каким-то странным взглядом, будто подозревал в чем-то, а конкретно высказать догадку боялся. Вместо этого он взял меня под локоток и буквально подволок к чьим-то кровавым останкам. Некоторое время я просто тупо тарасилась на то, что когда-то было живым существом, а теперь представляло собой почти дочиста обглоданный скелет коровы. Кто бы это ни сделал, голову он не тронул. Полные ужаса остекленевшие глаза буренки уставились в небо.

Минуты две я усиленно боролась с приступом тошноты. Меня не готовили к таким зрелищам. Предполагалось, что оседлые ведьмы занимаются более мелкими проблемами, как то: недостаток дождей, плохие уловы, сведение бородавок и лечение бесплодия у населения и скота. Борьбу с нечистью ведут команды истребителей или просто странствующие ведьмы и ведьмаки. Это их хлеб. Им преподавали спецпредметы, и обычная ведьма не может с ними тягаться. Тем более я.

– Дохлая корова, – констатировала я. – Вы просто маньяк, Овцынов. Зачем было показывать мне всякие ужасы перед отъездом? Мне же теперь месяц будет сниться несчастная буренка в разобранном виде.

Мои последние слова вызвали испуганный ропот среди собравшихся.

– О каком отъезде идет речь? – соорстил невинное выражение лица Овцынов, но ему это плохо удалось. Вид портили отчетливые царапины от кошачьих когтей. – Что-то я не припомню, чтобы речь шла о вашем, уважаемая госпожа ведьма, отъезде.

От возмущения я буквально остоленела. Нет, ну каков? Вчера еще буквально выпихивал меня из села, а сегодня на попятную? Не выйдет, голубчик. Не на такую напал.

– Здрасьте пожалуйста! – возмущенно фыркнула я. – Вы же сами вчера подписали мое направление. Я на вас больше не работаю. Так что будьте любезны предоставить мне транспорт, и я уберусь из этой деревни ко всем чертям.

– Боюсь, что не получится, – с наигранным сожалением вздохнул Овцынов.

Мне, как Станиславскому, захотелось крикнуть ему: «Не верю! Не умеешь ты играть, дорогой мой! Вон из артистов!»

– Сегодня я связался с Ассоциацией ведьм. Вам, госпожа, велено оставаться на месте вплоть до приезда группы истребителей, так как вы здесь единственная, кто разбирается в нечистой силе.

Надо же! Успел все-таки подсуетиться, гад. Интересно, с кем из Ассоциации он беседовал? Наверняка собеседник понятия не имел о моих профессиональных способностях. Или имел? Может, это такой способ избавиться от позора ведьминского рода? Мол, погибла при исполнении опасного

задания. Честь и слава ей за это. История никогда не забудет ратного подвига Виктории Загнибеды.

Стоп. А с чего он, собственно, взял, что коровку слямзил кто-то из нечистых? Может, это местная стая волков озорничает? Или собаки бездомные. Тоже вариант.

– А с чего это вы, уважаемый, решили, что в падеже бедной скотинки виновата нечистая сила? Судя по вашему вчерашнему заявлению, здесь таковой отродясь не водилось. Или в соседнем селе имеются завистники?

– Думаете, порча? – испуганно пролепетал Овцынов.

– Нет. Считаю, что кто-то явно вас невзлюбил, если умудрился в одну ночь заселить округу нечистой силой. Либо это кто-то весьма прожорливый, либо достаточно многочисленный, – в тон ему ответила я.

– Нечистая сила у нас всегда водилась, – отмахнулся Овцынов. – Правда, из лесу редко вылезают, но бывает, что стащат овцу-другую.

– Вы сами себе противоречите, любезный, – фыркнула я.

Бессмысленный разговор начал утомлять. К тому же я еще не завтракала, и, налюбовавшись на свежие останки, вряд ли стоит рассчитывать на здоровый аппетит. Да здравствует лечебное голодание!

– Еще вчера нечисти у вас и в помине не было. Наверняка это местные волки озорничают. Соберите охотников с ружьями и устройте облаву.

– Вот вы ее и возглавьте! – с энтузиазмом закивал Овцы-

нов.

Просто как китайский болванчик.

– Я?! – опешила я. – А я-то здесь при чем? Охотиться не умею, ружья в руках никогда не держала. Пустите в лес с оружием – добра не ждите.

– Значит, пойдете без оружия. Делов-то, – констатировал Овцынов.

Я еще минут пять смотрела ему вслед вытаращенными от удивления глазами. Меня берут в лес на волчью облаву безоружной? Точно, мои бранные останки покажут в очередной программе «Катастрофы недели».

Команда для похода в лес собралась матерая. Группа мужчин в военной амуниции, с суровыми обветренными, загорелыми лицами и, как противоположность им, я – хрупкая девушка в джинсах и белой футболке, безоружная, совершенно не готовая к прогулкам по лесу. Неважно, будь то сбор грибов, рыбалка или охота, – я одинаково не готова к любому из этих заданий. Обвешанные охотничьими ружьями и ножами мужчины поглядывали в мою сторону со смесью уважения и опаски, как викинги на берсерка. Видимо, тоже не знали, чего от меня можно ожидать.

Я же чувствовала себя просто как камикадзе, осталось только крикнуть «банзай!» и найти самолет противника.

– Ну? И куда мы идем? – осторожно поинтересовался один из собравшихся, готовый в любой момент нырнуть за спины товарищей.

– В лес, – невозмутимо откликнулась я.

Ну и народ! Полдня собирались, всей деревней провожали, а до сих пор не уразумели, куда мы направим стопы свои. Как бы при таких умственных способностях они там сами друг друга не перестреляли.

– Понятно, что в лес. Так он большой, – подал голос другой.

Я смирила оратора долгим взглядом. Вообще-то это они

здесь охотники, им полагается искать следы зверей. А я просто в качестве запасного варианта – на случай появления неожиданностей, вроде заплутавшего волколака. Правда, из меня боец с нечистью совсем никакой. Зато моя безвременная кончина во цвете лет даст несколько секунд форы большим мужикам.

Я чуть было не всплакнула от нарисовавшейся в мозгу неутешительной перспективы, но сдержалась.

– Вы же охотники, – отметила я очевидное. – Поищите следы какие-нибудь, собак, что ли, привлечите...

Мужики дружно почесали в затылках – просто удивительный синхрон – и согласились:

– Действительно, давайте искать следы.

Все дружно закивали, включая меня. Вот он, стадный инстинкт в действии. Вписываюсь в коллектив, однако.

Следы обнаружили на удивление быстро. То ли сказался профессионализм следопытов, то ли мимо таких внушительных и многочисленных отпечатков пройти оказалось просто невозможно, сие тайна великая. Как бы то ни было, отпечатки лап неизвестных существ оказались на самой границе луга с лесом, там, где местные жители в порыве любопытства не успели их затоптать.

Рядом с одним из отчетливых отпечатков когтистой лапы размера выше среднего сидел мой вчерашний знакомец из кошачьего племени и с интересом сравнивал свою черную пушистую лапку с оттиском на земле. Морда кота выражала

крайнее удивление увиденным.

А удивляться было чему. Следы зверушек немаленького размера, побольше моей ладони будут. Да что моей! Мужики примерились и ахнули. Во какая дичь сама в руки плывет! Дома на стенку голов навешать можно или чучело набить, будет о чем порассказать долгими зимними вечерами. Слушая их велеречивые разглагольствования о шкуре неубитых медведей, я вздыхала про себя. Неужели им не страшно? А бывают ли у таких зверей дома и камины? И если да, то не наделают ли из нас самих чучел и голов на досках, чтобы похвастаться случайным гостям, заглянувшим на чашку чая.

Однако мысли свои я благоразумно держала при себе. Нечего из мужчин дух боевой выхолаживать. Может, еще обойдется. Вдруг звери лопнули от обжорства или в соседнюю область подались – тамошних буренок поедать. Чем черт не шутит, пока Бог спит. Должно же и мне когда-нибудь повезти.

В лесу было как в лесу. Много деревьев, мало света, приятная прохлада служила изрядным утешением перегревшемуся на летнем солнце организму. Несмотря на свои внушительные габариты, мужчины передвигались на удивление тихо, практически бесшумно, причем не было заметно, чтобы они прилагали особые усилия или как-то особенно тщательно высматривали место для следующего шага.

Я, наоборот, аж губу прикусила от старания, только ничего из моих усилий путного не выходило. Впрочем, как все-

гда. Шум я издавала за всех сразу, будто среди подлеска пробирался слон – с треском, сопением. Охотники нервно шикали в мою сторону, нетерпеливо оглядывались, а я нервничала еще больше, и шум только усиливался. В конце концов, не выдержав моего очередного хрустнувшего под ногами сучка и нервного возгласа, один из охотников подошел ко мне и спросил:

– Госпожа ведьма, как вас зовут?

Я ожидала чего угодно, только не этого спокойного вопроса, поэтому удивленно заморгала глазами, как колибри крыльями, и пролепетала:

– Виктория.

– А меня Алексеем кличут. Тебя ведь против воли на охоту послали?

Я кивнула. Догадливый. Уже уважаю.

– У тебя даже ружья нет. Не знаю, о чем Овцынов думал, только какая ты охотница? Не обижайся. Но шумишь ты сильно. Так не только волков, а всю дичь в округе распугать можно.

Я и не обижалась. Алексей правду говорил. Смешно на правду обижаться.

– Давай, Виктория, сделаем так: ты погуляешь где-нибудь до вечера, цветочки, ягодки пособираешь, в речке искупаешься. У нас речка дивная, чистая – дно видать, довольна останешься. А вечером встретимся у твоей палатки и вместе в село вернемся.

Я была «за» руками и ногами. Это были самые здоровые слова за все мое пребывание в селе. На том и порешили, к общему удовольствию. Охотники спокойно пошли дальше, я нашла дивную солнечную полянку, прилегла отдохнуть и задремала. Снилось мне далекая Москва, горячая ванна с ароматной пеной, мягкая чистая постель с белыми-белыми простынями...

Мой сон прервали внезапно, можно сказать, наглым образом. Кто-то по-хамски наступил мне на ногу. Я подпрыгнула от боли и совершенно справедливо возмутилась:

– Эй! Не видишь, куда прешь? Позаливали zenки с самого утра, честной ведьме и прилечь отдохнуть негде!

– Извините, – полным раскаяния голосом пробормотал виновник моего пробуждения. – Я не видел, что вы здесь лежите. Я не нарочно, честно.

Я протерла глаза спросонок и остолбенела. На меня виноватым взглядом уставился огромный чешуйчатый ящер ярко-зеленого цвета. Я о таких только в сказках читала. Вот уж не ожидала, что Змей Горыныч – это не просто персонаж русского фольклора. Я так и стояла с раскрытым ртом, совершенно не находя, что ответить. На ум шло только глупое «отведай-ка, супостат, силушки богатырской!». Только чуяло мое сердце, что подобное заявление из уст хрупкой двадцатилетней девицы вряд ли произведет устрашающее впечатление. Скорее чудовище рискует умереть со смеху.

– А вы действительно ведьма? – с нескрываемым любо-

пытством спросило чудище.

– Откуда ты знаешь, что я ведьма? – опешила я.

– Вы же сами так сказали. Только что, – удивленно моргнул тот.

Да? Действительно. Какая я глупая. Вечно все забываю на ходу.

– Да, ведьма, – гордо подбоченилась я, прикидывая, чем конкретно может грозить мне столь смелое заявление. Может, он ест только ведьм?

– Это же просто замечательно! – радостно захлопал в ладоши ящер.

От этого звука у меня уши заложило. И чего он так воздавался? Точно. Давно ведьмятки не ел. Чтоб у него после меня заворот кишок случился! И зачем я позволила охотникам уйти без меня? Ну шумлю я маленько, подумаешь, преступление!..

– Не могли бы вы мне помочь? – Ящер склонил голову набок и вопросительно уставился на меня с мольбой во взгляде.

Интересно, в чем именно эта самая помощь заключается? Уж не хочет ли он, чтобы я утолила его голод и с восторгом залезла в котелок? Или он предпочитает мясо сырым? Стоп. А не он ли слопал бедную корову?

– И чем я должна помочь? – настороженно поинтересовалась я, обдумывая пути к отступлению.

– Ой, какой я невежливый! – спохватился ящер. – Прошу

вас об услуге, а сам даже не представился. Меня зовут Змей Горыныч Одноглавый. Или попросту – Горыныч.

Змей протянул чешуйчатую лапу, я с подозрением осмотрела ее, но пожалала.

– У меня маленькая проблема. На болоте объявилась жуткая тварь, животных пугает, мне спокойно жить не дает. Может, вам удастся с ней договориться?

На этот счет у меня имелись некоторые сомнения. Ну не сильна я в разговорах с разными тварями! И где гарантия того, что эта самая тварь, с которой ящер справиться не может, не съест меня саму?

Эти сомнения я Горынычу и высказала.

– Ну что вы, – с улыбкой оскалил зубы он.

У меня от такой улыбочки просто мурашки пупырчатые по всему телу побежали. Зубки, к слову сказать, внушительные. Такими не только корову, слона загрызть можно. Ну про слона, может, я загнула, но очень уж клыки огромны. Это невольно нервирует.

– Вы же ведьма. Для вас это совершенные пустяки. К тому же мы можем просто пойти и попробовать. Если ничего не выйдет, я не обижусь.

И как я позволила себя уговорить? Наверное, сыграла роль неожиданная вежливость гигантского ящера. Как-то не ожидаешь подобной деликатности от громилы. Может, я во власти предрассудков?

На болоте было... Ну как на болоте. Темно, сыро и мало деревьев. Лягушки квакали, кочки болотные торчали, на кочках мох болотный произрастал. Пейзаж мрачный и к веселью не располагающий. Я минут пять попялилась на всю эту, простите за каламбур, муть болотную и засоби-ралась домой. Не большая я любительница болотные красоты разглядывать, да и черная вода нервировала. Слышала я, как болото затягивает. Сжимает в своих крепких объ-ятиях, и не вырвешься: чем больше трепыхаешься, тем быстрее утопнешь. Брр. Жуть.

– Пойдите, госпожа ведьма, да вот же она, тварь болот-ная! – Горыныч ткнул куда-то по направлению к топи зеле-ным когтистым пальцем.

Я пригляделась повнимательнее. Действительно, недале-ко от берега четырьмя ногами на кочках спокойно стояла черная как вороново крыло лошадь и задумчиво обди-рала с соседних кочек мох.

– Горыныч, это лошадь, – терпеливо заметила я. – Ты что, лошади испугался?

– Нет, – зашептал в самое ухо ящер.

Мощный шепот практически оглушил. Пришлось отодви-нуться подальше.

– Это тварь дикая, неведомая, из незнамо каких мест здесь

появилась...

– Это лошадь, – не сдавалась я. – Я хоть и городская девочка, а как выглядит лошадь, прекрасно знаю. Четыре ноги с копытами, грива и хвост... – типичная лошадь.

Тут лошадь обернулась, зыркнула янтарно-желтыми с вертикальными кошачьими зрачками глазами и зашипела в нашу сторону. Между показавшимися клыками мелькнул по-змеиному раздвоенный язык. Ничего себе лошадка! Впервые о такой слышу. Хотя за семь магических войн маги напридумывали таких животных, что не приведи господь! Этот неизвестный науке вид еще не самое худшее, что может быть.

Лошадь взбрыкнула и, взметая болотную жижу, двинулась на нас.

– Бежим!!! – завопил Горыныч, схватил меня за руку и помчался в лес, не разбирая дороги.

Вот этого я не понимаю. Он ведь одним ударом мог эту невиданную лошадку пришибить. Вместо этого мы со скоростью звука улепетываем без оглядки. Вернее, Горыныч улепетывает, а я так, сзади него развеваюсь, наподобие воздушного змея на ниточке. Положеньице!

– Послушайте, Горыныч! – взмолилась я, тщетно стараясь перекрычать шум ветра в ушах. – А не могли бы мы бежать чуточку потише? Нет, правда, руке больно!

Но ящер то ли не слышал, то ли не обратил на вопль моей души внимания, только мы продолжали нестись как угоре-

лые. Тщетно я пыталась сопротивляться, но без толку. Пришлось покориться неизбежному. Можно, конечно, попробовать вздремнуть. Хотя нет, не получится, то и дело попадаете густой малинник. Горыныч преодолевал его без труда, а мне сильно досталось. Просто безобразие. Как будто мне неприятностей мало! Пока я тихо предавалась отчаянию, произошло сразу два события.

Первое – раздался сильный треск. Второе – мы с Горынычем полетели куда-то вниз. От неожиданности ящер выпустил мою руку, и мне удалось довольно удачно приземлиться прямо на него. Правда, удача была условной – шкура Змея, жесткая и бронированная, оказалась совершенно не приспособлена для мягкой посадки. Досадно, но факт. При приземлении я порвала штаны и содрала мягкое место, скатываясь по шкуре вниз, как по наждачной горке. Ну вот, теперь наверняка неделю сидеть не смогу. А ведь день только начался!

Поднятые нашим шумным падением пыль и мелкие частицы осыпавшейся земли упорно лезли в рот, словно всю жизнь мечтали оказаться съеденными, забивали глаза, уши и нос. Мы дружно чихали, отчаянно терли глаза, но помогало не очень.

– Где мы? – спросил Горыныч, ни к кому, собственно, не обращаясь.

Почему-то этот вполне естественный вопрос вывел меня из себя.

– А я-то откуда знаю? – окрысилась я. – Сама здесь впер-

вые.

Сверху донесся странный звук, будто закипал чайник со свистком. Мы, не сговариваясь, синхронно посмотрели вверх. В проломленной нами дыре виднелась голова странной лошади, виновницы нашего падения. Она скалила клыки, пробовала воздух раздвоенным языком – словом, вела себя нагло и крайне вызывающе. Я не выдержала подобного издевательства и высказала шипящей твари все, что я думаю о таких, как она, вообще, и о ней с ее родней до седьмого колена в частности. Тварь в ответ по-прежнему шипела и сверлила нас своими странными желтыми глазами.

– Ах вот ты как! – разобиделась я, нащарила рукой комок грязи и запустила им в ненавистную лошадь-мутанта.

Эффект не заставил себя ждать, правда, не совсем тот, на какой я рассчитывала. Ком сначала взлетел вверх, а затем шмякнулся вниз прямо на чешуйчатую голову Горыныча.

– Ой! – вскрикнул тот. – Что я такого сделал?

Я не стала вдаваться в подробности, что конкретно сделал Змей. Просто зачерпнула очередную горсть влажной земли, прицелилась и... Удача! Снаряд нашел свою цель. Ура! Робин Гуд отдыхает! Трепещите, враги ведьмы, у нее меткий глаз и твердая рука!

Конь-мутант обиженно тряхнул головой, пошипел еще для острстки, громко и насмешливо фыркнул и исчез. А мы остались сидеть, как пара идиотов. Здорово. Если не удастся выбраться самим, сколько шансов, что нас случайно найдут?

Практически ноль целых, ноль десятых. Таким грандиозным «везением» обладаем только мы с Горынычем и, что самое интересное, оба сидим здесь, внизу. Когда наступит голод, придется съесть ящера. Я не большая поклонница рептилий, но голод не тетка. Надо так надо. Почему не меня? Так я Змею на один зубок, а мне его надолго хватит. Вопрос арифметики. Так будет больше шансов выжить хотя бы одному. Вот он, суровый естественный отбор во всей своей неприглядной красе.

– Здесь есть проход, – подал голос Горыныч.

– Что? – не сразу поняла я.

Если это шутка, то дурацкая. Грешно смеяться над совершенно незащитной девушкой, попавшей в безвыходную ситуацию. Но Змей не шутил. Он действительно нашел проход.

– Только я в него не пролезу, – печально вздохнул он.

Мне стало его жаль.

– Послушай, ты ведь Змей Горыныч, ты можешь взлететь и запросто выбраться отсюда.

Идея оказалась настолько гениальной, что я чуть не запрыгала от радости. В русских народных сказках Змей Горыныч – персонаж с крыльями. Он умеет летать и дышать огнем. Не говоря уже о немыслимой силе. Не зря же наши сказочные богатыри изрядно намаются, пока прикончат ящера.

– Крылья – мое больное место, – потупился Змей.

– И давно болят? – деловито осведомилась я.

– Кто? – опешил тот.

– Крылья.

– Они не болят.

– Ты же сам только что сказал, что они твое больное место.

– Да не могут они болеть.

– Почему? Любая часть тела в принципе может болеть.

Нервные окончания там и все такое, – не сдавалась я.

– У меня не могут болеть крылья, потому что крыльев у меня нет.

– Как это? Ты же Змей Горыныч. А у Змея Горыныча просто обязаны быть крылья.

– То-то и оно, – тяжело вздохнул Змей. – Я – позор семьи. Потому и живу на болоте подальше от родни и насмешек. Змей Горыныч, который не пышет огнем, не летает и даже от дурацкой твари избавиться не может...

Он зарыдал навзрыд. От богатырских всхлипываний дрожали стены ямы, грозя обрушиться в любой момент. Если нас не завалит землей, потоп будет непременно. Что лучше: быть погребенной заживо или утонуть в слезах несчастного ящера? Прямо не знаю, что выбрать. Такое обилие перспектив – глаза разбегаются.

– Да погоди ты расстраиваться, – попыталась утешить я разнесчастного Змея. – Наверняка у тебя просто куча других достоинств.

– Правда? – задумчиво всхлипнул тот. – Каких?

– Ну-у-у, я не знаю, – растерянно протянула я.

Как-то не могла подобрать нужный ответ, чтобы не вы-

звать очередное слезоизвержение. Что ни говори, а инстинкт самосохранения у меня развит. Как назло, в голову ничегошеньки не приходило. Действительно, что утешительного можно сказать огорченному ящеру, над которым смеется вся родня? Надо мной, например, вся Академия магических наук потешалась, и тут я тоже с идеями как-то не нашлась. Гениальность на сегодня иссякла полностью.

– В конце концов, крылья в Змее – это не главное, – расплывчато заявила я, напустив на себя философский вид.

– А что главное? – заинтересовался Горыныч.

Как на грех, на ум пришла только забавная фразочка из мультфильма «главное – хвост!». Но я не имела понятия, как отреагирует на мое заявление оппонент, и воздержалась от глупых комментариев.

– Не знаю, – честно созналась я. Правда в разумных пределах – вещь хорошая. – Но не крылья, это точно. Ой, смотри, кажется, там проход! – удачно нашлась я и воодушевленно ткнула пальцем в стену за спиной Горыныча.

И впрямь проход. Бывают же в жизни совпадения типа вовремя оказавшегося рояля в кустах. У нас уже целых два прохода имеются, причем ведут они в противоположные стороны. Похоже, нас угораздило провалиться не в яму, а в подземный туннель. А кто роет подземные туннели? Точно! Гномы. Может, нам повезет и они выведут нас на свет божий?

Мне с трудом удалось протиснуться в довольно узкий проход. Вот когда порадуешься отсутствию лишних килограммов и хорошей физической подготовке. Слава богу, я никогда не прогуливала уроки физкультуры, как остальные занятия. Их я посещала крайне нерегулярно, чем вызывала негодование профессоров. Правда, негодовали они не особенно долго, так как узрели в моем отсутствии положительные стороны в виде целостности кабинетов и дорогостоящего оборудования. За постоянную порчу казенного имущества ко мне прикрепилась кличка Ходячая Катастрофа или просто Армагеддон. Некоторые первокурсники наивно полагали, что это фамилия у меня такая.

К моему удивлению, дальше туннель становился не просто высоким, а высоченным, я свободно могла прыгать со скакалкой, не задевая потолка. Стены выложены серым камнем, пахло сыростью давно не проветриваемого помещения, немного плесенью, а в остальном – жить можно. Может, за неимением избышки стоит переехать сюда? Впрочем, нет. Я ведь здесь только до приезда группы истребителей нечисти. Досадно. Кто знал, что здесь так интересно? Подземелья всякие, Змеи Горынычи...

Кстати, о Змее. Я высунула изрядно перепачканную землей голову обратно в провал.

– Горыныч, лезь ко мне. Ты вполне можешь здесь пройти.

– Как? – немного опешил он.

– Ногами, – резонно заметила я. – Только не говори, что и ног у тебя тоже нет.

– Нет. Ноги у меня есть, – тряхнул головой Горыныч и опасливо покосился в мою сторону, словно я собиралась эти самые ноги отрубить. – Как я к тебе пролезу?

– Очень просто. Расширь лапами проход.

Всего через пару минут мы продолжили путь вместе. Туннель действительно смог вместить Горыныча, правда, тот все время задевал боками каменную кладку, поминутно извиняясь перед кем-то невидимым. Еще одно неудобство – передвигаться приходилось на ощупь. Спичек не было, фонарика тоже, освещения в данном сооружении строители не предусмотрели. Очень нелюбезно с их стороны. Вдруг кто-нибудь надумает зайти в гости – все руки обдерет и вдобавок споткнется в темноте и нос расквасит. Нехорошо получится, и хозяевам перед гостем будет неловко. Впрочем, может, такова их задумка? Не хотели приваживать незваных гостей? В самом деле, порядочные люди перед визитом звонят и предупреждают о своем приходе.

– Уй! – воскликнула я, наткнувшись в темноте на неожиданную преграду.

Между прочим, пребольно шарахнулась обо что-то лбом. Руки-то были заняты ощупыванием стен.

– Что случилось? – испуганно спросил Горыныч, но я

не успела ответить, как он налетел на меня сзади и буквально расплющил по твердой поверхности преграды. Что-то острое и твердое вонзилось мне в живот.

При всем желании я не могла издать хотя бы звук, как горю, ни охнуть, ни вздохнуть.

– Госпожа ведьма, вы где?! – заорал Змей так, что вдобавок вызвал у меня легкую контузию и с потолка посыпалась штукатурка.

– Здесь я, – на последнем дыхании прохрипела я, ощущая себя лягушкой под асфальтовым катком.

– Где?

– Прямо между тобой и стенкой.

– Да? Извини.

– Просто слезь с меня, – взмолилась я, стремительно теряя остатки кислорода в легких.

– Не могу. Я застрял.

Здорово. Мне суждено умереть, придавленной к стене Змеем, как муха газетой. Я даже всхлипнула от поднявшейся в душе жалости к себе, любимой. Это ж надо, какой бесславный конец! Расслабилась, решив смириться с неизбежным. Какой смысл бороться? Впереди стена, сзади огромный ящер. Ноги безвольно обмякли, и я тихо сползла по стенке вниз, обдирая спину о многочисленные чешуйки Горыныча.

О чудо! Свободна! С хрипом, судорожно вдыхала восхитительный затхлый воздух...

– Горыныч, сделай мне одолжение, – прохрипела я с пола.

– Какое?

– Постой спокойно несколько минут, пока я проползу у тебя между ног.

Хорошо хоть у ящеров половые органы расположены иначе, не улыбалось наткнуться в темноте на что-то совсем уж неприличное. И так познакомились с анатомией друг друга теснее некуда.

– Между прочим, здесь дверь, – слышался из темноты голос ящера.

– Где? – слегка опешила я от такого открытия.

И почему он умудрился заметить дверь в крошечной темноте, а я нет! Может, у него ночное зрение лучше?

– Прямо передо мной. Ты к ней прижималась.

– С чего ты взял, что это непременно дверь? По мне, поверхность как поверхность. Скорее на тупик в лабиринте смахивает.

– Здесь есть ручка.

Одна фраза разбила в пух и прах мои доводы. Теперь понятно, что именно упиралось мне в живот. Я-то думала – так, просто неровность поверхности.

– Попробуй ее открыть, – предложила я, выпрямляясь наконец во весь рост и отряхивая руки от лет сто копившейся здесь пыли.

– Заперто. Попробую выбить.

Слышалась серия глухих ударов, во время которых я отчаянно боялась обрушения туннеля на наши многостра-

дальные головы. Земля сыпалась с потолка, от ударов стонала каменная кладка, некоторые булыжники так и норовили выскочить из своих гнезд. Вскоре настойчивость Горыныча была вознаграждена оглушительным треском, дверь поддалась, и Змей смог наконец перевести дух.

– Фу-у-у, ну и крепкие у них двери. Небось дуб или еще чего покрепче.

За дверью оказался еще один каменный проход. Все, что мы слышали – кроме своих шагов, разумеется, – звуки капающей со стен воды. Осторожно продвигаясь вперед, я тихо радовалась, что на сей раз ведет Горыныч, по крайней мере, участь раздавленной о стену мне не грозит. Коридор пошел резко вниз, и мне вспомнилась легенда о Минотавре. Чудовище жило в каменном лабиринте. Мифический герой победил Минотавра, сразив его мечом, а меча-то у нас и нет. Оставалось надеяться, что подземелье не таит в себе чудовищ. А то прямо не знаю, как будем выкручиваться.

– Я нашел еще одну дверь, – оповестил Горыныч.

Ну что сказать, везет ему на двери сегодня. Надеюсь, повезет и на выход. Что-то это подземелье начинало надоедать.

– Ломать будем? – поинтересовался Змей с затаенной надеждой в голосе.

– Ломай, – махнула рукой я.

Пусть развлечется.

То, что ждало нас за дверью, ошарашило обоих. Сначала мы совершенно ослепли от хлынувшего на нас света. Глаза успели от него отвыкнуть после нескольких часов блуждания в темноте. Как только мы смогли различить предметы более-менее четко, то остолебенели от неожиданности.

Это была лаборатория. Странная, причудливая. В ней непостижимым образом сочетались современные технологии и вполне архаичные предметы вроде настенных факелов и медных весов с гирьками. Пучки сушеных трав соседствовали с огромными колбами, заполненными прозрачной жидкостью; в ней плавали различные зародыши, чудовищные, но живые.

Странные существа, некоторые из которых представляли собой помесь насекомых с млекопитающими, неведомые животные с различными мутациями, вроде иголок вместо шерсти, лишними парами глаз, лап, покрытые панцирями, с костяными выростами вдоль хребтов и прочие тарасились на нас сквозь стекло своих хрупких на вид тюрем.

На столе стоял компьютер, отслеживающий температуру среды и состояние животных в колбах.

– Вот это да-а-а... – только и смогла выдать я.

Горыныч стоял как громом пораженный. Лошадь-мутант на болоте – не худшее, что ему пришлось увидеть.

Тем временем за противоположной дверью, о существовании которой мы догадались только тогда, когда в ней повернулся с характерным щелчком ключ, слышались голоса. Нам оставалось благоразумно отступить обратно в туннель и молиться, чтобы нас не заметили. Внутренний голос подсказывал, что хозяева лаборатории не очень обрадуются нашему визиту.

Донесся мягкий скрип отворяемой двери, легкое шуршание дорогой ткани, аромат дивных духов, голоса усилились, стали отчетливее.

– Яра, ты неправа, – вещал мужской голос. – Слишком рано переводить эксперимент в такую стадию. Животные нестабильны, телепатический контроль слишком слаб.

– Что такое, дорогой? Испугался глупых зверушек? – вкрадчиво рассмеялся женский голос.

Я невольно подалась вперед, чтобы хоть краем глаза увидеть обладательницу чудных духов. Из-за угла удалось рассмотреть только шелковую небесно-голубую мантию (признак воздушного мага) и серебряные искрящиеся волосы, указывающие на кровное родство с эльфами. Эльфийка? Здесь? В этой богом забытой глуши? И какого лешего она тут делает?

– Госпожа, – подал голос еще один мужчина, оказавшийся бритоголовым мордоворотом.

– Ну что еще? – недовольно поинтересовалась эльфийка.

– У нас кто-то выбил дверь.

Я испуганно замерла, как мышь под веником. Авось пронесет.

– Что?! – раздался вопль такой силы, что оставалось лишь посочувствовать незадачливому громиле, стоящему на пути звуковой волны, – его буквально опрокинуло на пол и проволокло до ближайшей стены, где он огорченно затих, обдумывая опрометчивость своего заявления. Да-а-а... С магами воздуха шутки плохи.

– Найти и уничтожить!!!

– Кого? – удивленно шепнул мне Горыныч.

– Тебя, – испуганно откликнулась я, тщетно пытаюсь припомнить хотя бы одно боевое заклинание.

Думай, Вика, думай! Я ведь была на этих лекциях, еще профессор боялся, что уроню потолок на головы студентам. Слава богу, все обошлось, но только в тот раз. Больше в аудиторию меня не пустили. Предложили изучать предмет самостоятельно или факультативно.

– Почему меня? – пригорюнился от такой несправедливости Горыныч.

– Ну ты же дверь ломал, – напомнила я.

Горыныч открыл было рот для возражений, но захлопнул пасть и стал пятиться назад, уподобясь раку из басни. На разговоры времени не осталось, впрочем, на вспоминание заклинаний тоже. Громила оказался не одиноким рейнджером. У него был не менее шкафоподобный напарник. Оба этих мордovorота с ласковыми, сильно смахивающими

на волчий оскал улыбками двигались в нашу сторону, поигрывая в руках увесистыми дубинками. Один все еще почесывал огромную шишку на затылке и недовольно морщился от боли. Я сдавленно пискнула, метнула в них первым попавшимся заклинанием и дала дёру. Судя по шуму, Горыныч далеко опередил меня в этом.

Позади раздался гром, напоминающий грозу, звук бьющегося стекла и вопли эльфийки:

– Арни, идиот! Ты что, с простой грозой справиться не можешь? Сделай что-нибудь, пока она здесь все не разнесла!

– Вот сама и сделай, если такая умная!

Горыныч неся так, словно за ним гнались все демоны ада. При его габаритах и бронированной шкуре бояться пары мордоворотов? Врезал бы им разок! Делов-то. Но нет, удирает не хуже зайца, только стены трещат. В мою сторону летели брызги земли и осколки камней. Усердное сопение мордоворотов доказывало их упертость и хорошую физподготовку. Бегуны на мою голову! Я с трудом, как могла, сосредоточилась и сплела заклинание. За качество ручаться не берусь, но при изрядной доле везения может задержать погоню. С полуоборота метнула заклинание в преследователей.

Молодец я! Даже с шага не сбилась. Поскользнулась только и пребольно впечаталась в стену. А так ничего. Почти небольно.

Мордоворотам повезло меньше: из воздуха возникла ог-

ненная саламандра и с шипением погналась за громилами. Те, вместо того чтобы развернуться на сто восемьдесят градусов, почему-то ринулись вперед и с истошными воплями промчались мимо, задевая стены и застревая в узких местах туннеля. Их безумный пробег буквально расплющил меня по стене и оставил в полном недоумении гадать: как же мне все-таки удалось вызвать саламандру и, главное, каким образом отлепиться от стены? Где-то далеко впереди испуганно вскрикнул Горыныч. Все стихло. Кто кого догнал – загадка.

Я тяжело вздохнула и закашлялась. В легкие вместо кислорода набилась земля. Мои отчаянные телодвижения, трепыхания и всхлипывания возымели некоторый эффект, правда, совсем не тот, на какой я рассчитывала. От стенки я не отлепилась – стенка отлепилась от меня, отъехала в сторону, и я буквально ввалилась внутрь какой-то комнаты или пещеры. Там было довольно светло от солнечных лучей, пробивавшихся сверху в отверстие явно неприродного происхождения. Слишком уж оно было гладким и ровным, словно отшлифовано неведомым мастером.

После того как я протерла засыпанные землей и пылью глаза, удалось оценить размеры пещеры. Тронный зал – не меньше. Посредине на огромных якорных цепях висел хрустальный гроб резной работы.

– Ничего себе, – изумленно прошептала я. – Белоснежка... А я-то думала – это разыгравшаяся фантазия братьев Гримм.

Я подошла поближе и осторожно постучала ногтем по поверхности. Реально хрусталь! И, судя по звуку, хорошего качества. Движимая любопытством, не могла удержаться, чтобы не поглядеть поближе на легендарную красавицу. Гроб висел высокомерно для моего роста, видимо, гномы рассчитывали на принца росточком побольше. Я прикинула в уме, какой рост надо иметь, чтобы с комфортом поцеловать суженую, не вытягиваясь при этом по струнке. Да-а-а... По мнению гномов, росточком принц должен быть метра так два с половиной минимум.

На рост не обижаюсь, но с моим метром семьдесят пришлось встать на цыпочки и потянуться, уцепившись за край роскошного гроба. Шаткое сооружение покачнулось, рискуя перевернуться, я оступилась и вскрикнула от боли. Ногю свела судорога. Край гроба поехал вниз, я замахала руками не хуже чем стрекоза крыльями, но равновесие было потеряно, и я оказалась на полу... вместе с покойным.

Да-да. Покойным. Это оказался мужчина – в кольчуге, с мечом. Красновато-рыжие, близкие к цвету спелой вишни волосы ярким пятном обрамляли совершенно потрясающее по красоте лицо. Просто спящий царевич! На мгновение холодные губы прижались к моим. Меня так перекосило от отвращения, что я испугалась, а не останется ли мое лицо таким навсегда.

– Фу-у-у... Покойник! Некоторые сейчас в Москве в сауне парятся, а я в безымянной пещере, грязная и целуюсь с мерт-

вецом. Ну почему мне так не прёт?! – огорчилась я.

И тут сверху рухнул гроб, усеяв все вокруг многочисленными осколками и оставив в ушах колокольный звон. В общем, счастья полное лукошко.

В дверном проеме возникла закопченная физиономия одного из мордоворотов. Узрев меня, он радостно осклабился:

– Слышь, убогая, а вот и мы. А чем это вы тут занимаетесь?

– А вот и я! – не менее радостно откликнулась я и с криком «банзай!» ринулась навстречу, размахивая руками наподобие ветряной мельницы. В уме всплывали все известные из школьного курса заклятия, правда, половину слов в них я не помнила. Но когда меня останавливали подобные мелочи? Парочка придуманных на ходу слов, вставленных наобум в общий рисунок заклинания, придавала последнему некоторую пикантность. Это как играть в мгновенную лотею: никогда не знаешь, какой рисунок скрывается под серебряным напылением. Результат практически непредсказуем. Так даже интереснее.

К моему удивлению, мужик рухнул как подкошенный, не дождавшись конца моего волшебства. Очень некрасиво с его стороны так огорчать даму. Я ведь старалась. Оказалось, его оглушило мечом в позолоченных ножнах, зажатым в моей руке. Пару секунд я ошалело разглядывала неизвестно откуда появившееся оружие, махнула с досады рукой и... заклинание ушло. Раздался чей-то вопль, кажется Горыны-

ча, затем снова все стихло.

Я с максимальной осторожностью кралась вдоль стены подземелья, стараясь ничем не выдать свое присутствие. Подозрительная тишина настораживала, обостряя восприятие, и отрицательно воздействовала на нервную систему. За каждым поворотом мерещились кровожадные чудовища, спину буквально сводило от воображаемых взглядов невидимых преследователей.

– Интересно, где сейчас Горыныч, – тихо вздыхала я, – жив ли еще?

В этот волнительный и напряженный момент сверху прямо за шиворот шлепнулось нечто небольшое, но с острыми коготками, четырьмя шустрыми лапками, отчаянно пищущее.

Я издала душераздирающий вопль:

– А-а-а!!!

И с криками «помогите, убивают!» ринулась вперед, не разбирая дороги. Да и какая дорога, если кругом темнота хоть глаз выколи.

Где-то минуты через две меня озарило. Я же ведьма! Можно сказать, дипломированный специалист. (Правда, почему-то это выражение в устах моих учителей применительно ко мне звучало как ругательство.) Что мне какое-то глупое подземелье? Тьфу, и растереть. Магия – это круто. По-

этому я, как щедрый сеятель, принялась сыпать рождающимися в моем перепуганном мозгу заклинаниями как впереди себя, дабы расчистить путь, так и позади, чтобы преследователям, пусть даже воображаемым, неповадно было гоняться за мной. Как ни странно, некоторые из моих творений умудрялись неплохо срабатывать, проделывая двери в стенах там, где они в проекте не значились.

В одном из многочисленных запутанных коридоров я буквально налетела на двух качков, мечущихся в бесцельных поисках с фонарями в руках. Качки радостно осклабились. Один из них мрачно потер внушительную шишку, явно рассчитывая отыграть за попорченный череп. Я улыбнулась им в ответ. А что мне оставалось делать? Такого они не ожидали. В слабом свете фонаря лица мужчин отразили недоумение, и они стали напоминать близнецов с одинаково глупым выражением физиономий. А, махнула я рукой, гулять так гулять! И шарахнула по ним первым попавшимся заклинанием. Головы мужиков украсили огромные ветвистые рога, буквально приковав их «счастливых обладателей» к земле. Костяные наросты получились что надо. Хватило бы на десяток оленей разом. Лоси буквально умрут от зависти при виде подобного головного украшения, а эти неблагодарные еще и недовольны, вон как злобно ручками-ножками сучат и ругаются нецензурно. Приличная девушка в таком обществе не выдержит и пяти минут.

Я с интересом и чисто научным любопытством постука-

ла ногтем по рогам, даже поскребла. Мужчина слабо дернулся, стараясь дотянуться до меня рукой. Не удалось. Надо же, какие крепкие получились! Хотя на стену вешай – красота. У мужиков явный переизбыток кальция в организме. Вот до чего доводит неправильное питание. Наверняка еще и переедают на ночь.

Позади в туннеле послышался непонятный гул, будто кто-то, напрочь лишенный слуха и музыкального дарования, решил обучиться игре на трубе. Не знаю почему, но звук мне совсем не понравился. Я не преминула сообщить о своем наблюдении новоиспеченным сохатым. Те явно придерживались того же мнения и даже сделали слабую попытку ретироваться ползком, но не преуспели. Недолго думая я просто пробежала по ним, как по живому ковру. Мне нет резона здесь задерживаться. Признаться, подземелье порядком поднадоело.

Гул нарастал, отражаясь от стен, которые мелко завибрировали. Ох, не нравилась мне эта подозрительная вибрация. И я припустила что есть мочи. Если бы это был олимпийский забег – золото, несомненно, принадлежало бы мне, причем сразу и как спринтеру и как марафонцу. В жизни так быстро не бегала.

Коридор кончился как-то внезапно. Просто раз – и я машу в пустоте руками наподобие стрекозы, в тщетной попытке научиться летать. Левитация мне и раньше не удавалась, но чем черт не шутит? Пятки жестко встретили землю,

я взвыла и кубарем скатилась по склону поросшего травой холма, по пути наткнулась на задремавшего в сочной растительности ежа, пребольно ударилась коленкой о неудачно расположенный пенек и врезалась в пушистую ель. С дерева посыпались шишки. Как будто мне собственных не хватало! Я лежала, широко раскинув руки-ноги, любуясь голубым безоблачным небом, и вдыхала кислород буквально ведрами, тоскливо пытаюсь решить, что важнее: унять боль в боку или попробовать вылечить многочисленные ссадины и ушибы? А вдруг я сломала что-нибудь? Все заклинания, так легкомысленно сотворенные мной и щедро разбросанные в подземелье, многократно отразились от стен и вырвались из проема наподобие смерча. Смерч наткнулся на ель, заклятия сдетонировали...

Елка обернулась великаншей в пышной, но очень короткой юбке, оглядела себя с ног до головы, неожиданно тоненько завизжала и ринулась в глубь леса, высоко подбрасывая ноги, стараясь одернуть на ходу юбку как можно ниже. С елки упала белка, почему-то с двумя головами и шестью лапами, обозрела себя и, горестно пискнув, рухнула в обморок.

Ну я и набузила...

Болото обнаружилось на удивление легко. При таком шуме и слепой мог найти верную дорогу. Моему потрясенному взору открылась следующая картина. Здоровенный, под два метра, детина, размахивая немаленьким мечом, угрожающе надвигался на обалдевшего от такой наглости Горыныча.

– Ага! Попалось, чудище! – вопил мужик. – Я те покажу, как колхозных коров жрать!

– Окстись, Ванюша! – отмахивался от опасного лезвия Змей, стараясь отойти на безопасное расстояние от разбушевавшегося детины. – Да когда я ваших коров воровал? Ну ежели только какая в лес забежит...

– В лес забежит?! – ярился Ванюша. – Я тебе покажу «лес»! Да это была самая лучшая корова в стаде. Я тебе за нее моргалы выколю!

Меч просвистел в опасной близости от морды Горыныча, и тот пустился наутек, вопя во все горло:

– Помогите! Хулиганы зрения лишают!

Мужик ринулся следом. Из-под ног и лап щедро брызнули грязная болотная вода, ошметки осоки и оглушительно квакающие лягушки. Змей улепетывал со всех лап, бежал зигзагами, чтобы преследователь не смог прицельно огреть своим оружием. Надо же, при такой комплекции скорость, как у хорошей скаковой лошади. Если бы это был призо-

вой забег где-нибудь в городе Дерби, главный приз его. Первое место – однозначно. Второе, разумеется, Ивану за оригинальность стиля.

Неизвестно, чем бы закончилась столь славная погоня, только болотная вода вдруг запузырилась, вспучилась, оглушительно булькнула, и на поверхность поднялось нечто напоминающее огромную, заросшую мхом болотную кочку.

Неужели водяной? И чего только в этом лесу не встретишь! Наши вон экспедиции шлют в заповедные леса, гостинцами дорогими приманивают, а водяного и русалок не всякий раз увидеть удастся. Иной раз помаются на берегу маг с учениками, да и вернутся несолоно хлебавши. А здесь в один день и Змея Горыныча увидела и водяного. Рассказать кому – не поверят.

– Моих лягушек забижать! – возопил водяной. – Да я вам щас покажу кузькину мать!

Первым о кочку споткнулся Горыныч и рухнул в воду как подкошенный, сверху его основательно припечатал увесистой корягой водяной. Ржущему Ивану достался хук правой, силе которого позавидовал бы боксер. Иван ласточкой улетел на берег да так и остался отдыхать в тени деревьев. Следующим на твердую землю аналогичным способом был водворен Горыныч. Горделиво обзрев место сражения, водяной презрительно фыркнул, хряснул оброненный незадачливым воителем меч о колено, метко метнул его вслед Ване и с чувством выполненного долга ушел в глубину.

Горыныч очнулся первым. К этому моменту я уже перестала рыдать от смеха и только временами тихо всхлипывала, вспоминая отдельно взятые эпизоды эпического сражения с водяным из-за неповинно потоптанных в ходе разборки лягушек. Оказавшийся более хлипким детина возлежал на бугорке под чахлым болотным деревцем, как поверженный вероломным врагом воин. Не хватало только верной возлюбленной, горько льющей слезы над убиенным и суровых в своем горе друзей, поклявшихся жестоко отомстить супостатам за павшего в неравном бою героя. Переломленный водяным меч валялся тут же неподалеку.

Змей тяжело вздохнул, ощупывая внушительную шишку на голове.

– Чего это он? – удивленно протянул чешуйчатый, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Нечего было лягушек топтать, – фыркнула я.

Я осторожно приложила ухо к груди неподвижного парня. Дышит. Сердце бьется. Уже неплохо. Но на скорое пробуждение героя рассчитывать, увы, не приходилось. Вон как ласково припечатал его водяной. Как только жив остался после такого-то удара? Но сотрясение мозга гарантировано. Правда, при условии, что сотрясать есть чего. Скула Вани отекала буквально на глазах, приобретая лиловый цвет, на лбу красовалась здоровенная шишка с кулак величиной. Хотя последняя – скорее всего результат бурной встречи с деревом. Оно не захотело посторониться, а парень не подумал свер-

нуть. Победила дружба.

– Давай оттащим этого горе-вояку куда-нибудь в сухое место.

Горыныч скосил янтарные глаза на парня. В первый момент я подумала – откажется. Ваня на него с мечом лез, а Змею придется транспортировать его неподвижное тело на себе. Почему на себе? Ну не на мне же. Я даже руку парня не подниму. Ну и здоровенная орысина уродилась!

Но Змей неожиданно согласился с тем, что близость болота отнюдь не способствует выздоровлению раненых.

– В моей пещере ему будет более удобно, – вздохнул Горыныч.

На том и порешили.

Пещера. Пожалуй, это слишком сильно сказано. Так, круглая нора в земле. Действительно, откуда взяться нормальной пещере, если вокруг только лес и горами не пахнет? Вот Змей и нашел себе более-менее высокий холм, обозвал горой, а нору переименовал в пещеру.

Сокровищ тоже у Змея не наблюдалось. Или это только у драконов полно золота, серебра и камней драгоценных без счета? В просторной пещере, напоминавшей нору хоббита, располагался огромный стол, не менее грандиозных размеров лавка и стул, сделанный по мерке хозяина жилища. На нем могли спокойно усесться человек десять, не мешая друг другу при этом. Картину довершал дымный очаг, от которого слезились глаза. Не мешало бы Змею соорудить

дымоход или, на крайний случай, вытяжку какую-нибудь. Так и угореть недолго. Ковер в дальнем углу рядом с очагом явно служил Горынычу постелью.

Я впервые была в гостях у сказочного персонажа, поэтому глядела во все глаза куда угодно, только не под ноги. В результате споткнулась о порожек и с нецензурной руганью влетела в жилище, где рухнула на пол, ощутило приложившись о ножку стола. Когда в глазах перестали сверкать искры и Горынычи прекратили толпиться перед моим ошеломленным взором, я с едва сдерживаемой яростью поинтересовалась:

– Ну кто делает порог при входе в пещеру?!

– Извини, – смутился Горыныч, – надо было предупредить.

– Да уж, не мешало бы.

Змей сложил свою ношу на ковер и засуетился по хозяйству. Как-то странно наблюдать за тем, как доисторический ящер деловито раскошегаривает начищенный до блеска пузатый медный самовар ведерной емкости кирзовым сапогом неизвестного происхождения. Не хотелось задумываться, откуда, собственно, у Змея сапог. Вроде бы обувь ему по статусу не положена. Да бог с ним! Лишь бы накормили. При чем чем быстрее, тем лучше. Оголодавшие ведьмы опасны для окружающих. Особенно я. Вдруг сочту Горыныча съедобным? Ужас! Тем более что в руках я до сих пор стискивала нечаянно уворованный у покойника меч. Ну чем не но-

жичек? Колбаску там порубить – первая вещь.

Стоп. Я, кажется, ограбила покойника. Хотя, с другой стороны, а на кой ему этот меч сдался? В раю – без надобности. Не будет же покойник ангелов пугать. А в аду? Чертей много, а мужик один. Меч тут не спасет, налицо численный перевес противника. Фу-у-у, – успокоилась я. Просто гора с плеч. Конечно, грабить захоронения нехорошо, но я же нечаянно. В конце концов можно расценивать меч как достойную компенсацию морального ущерба от падения в туннель и беготни по коридорам.

Тем временем Горыныч извлек из деревянной кадушки подоспевшее тесто и принялся лепить пироги. Какой талантнице! И пропадает в глуши и безвестности. Его бы к нам в общежитие. Цены б ему, такому хозяйственному, не было. Поесть-то все любят, а вот с готовкой не у каждого получается. Вот взять, к примеру, мою соседку по комнате, Мелену. Умница, красавица, ведьма бог знает в каком поколении, а обычной яичницы поджарить не может, годится разве что как сильнейшее слабительное или на худой конец рвотное. Зато с Меленой хорошо на диете сидеть.

От нечего делать я принялась рассматривать свой трофей. Простые, ничем не примечательные ножны скрывали редкой красоты клинок явно эльфийской работы. Я не большой знаток холодного оружия, но залюбовалась дивным мечом. Если оружие мирно пребывающего в отключке Ивана больше смахивало на грубую железяку, то мой клинок смотрелся как по-

родистый арабский скакун рядом с заморенной деревенской клячей. Чистое голубоватое лезвие покрывала изящная гра-
вировка в виде лилий, до того тонко сработанная, что ка-
залось — цветы вот-вот встрепенутся и с изогнутых листьев
скатится капелька росы.

Насколько мне известно, эльфы наострились в мечи
вкладывать заклинания. Причем разной сложности. Это за-
висело от того, для кого предназначался сам клинок, от силы
мастера-кузнеца и от платежеспособности заказчика. Если
заказчик мог себе позволить, приглашался дипломирован-
ный маг на все время работы с оружием. Заклинания вкла-
дывались, начиная с процесса варки стали и кончая отдел-
кой рукояти.

Дорогая штучка. За такую, пожалуй, и убить могут. На мо-
их коленях лежало солидное состояние. Просто не верится...

Я с тихим сожалением убрала сверкающее лезвие в нож-
ны. Драться на мечах я не умела никогда. Научить боевым
искусствам меня сможет только чудо, и, судя по моим фан-
тастическим способностям к обучению, чудо должно быть
немаленькое. Например, молитв нашего мастера по боевым
искусствам явно не хватило. А жаль. Очень пригодилось бы.

На столе уютно дымился самовар, пахло сдобными пирогами и малиновым вареньем, а еще гречишным медом, моим любимым. Я восхищенно глотала слюнки, глаза разбегались от такого великолепия. Даже Иван повел носом в сторону стола и буквально воскрес. А я уж думала, до утра не оклемается.

Несколько минут за столом раздавалось только мерное чавканье. Стол пустел, желудки наполнялись, их обладатели постепенно приходили в чудесное расположение духа. Пока наконец на подносе не остался последний пирожок. Вся компания дружно уставилась на одинокое произведение кулинарного искусства, которым разродился Горыныч. С одной стороны, все наелись, с другой – не оставлять же такое дивное, аппетитное, тающее во рту лакомство.

Так как я оказалась единственной дамой за столом, то справедливо рассудила, что лакомство должно достаться мне. Мужчины, как истинные рыцари, просто обязаны уступить. Беда в том, что ни Змей, ни Иван моего мнения не разделяли. И только я потянулась за пирожком, с точностью повторили мой маневр. Я ухватила за край подноса и потянула его на себя, они последовали моему примеру. Мы пыхтели, ругались сквозь зубы, но упорства всем было не занимать. И тут, к всеобщему изумлению, в пещеру про-

сунулась нахальная конская морда, хитро зыркнула янтарными глазищами и клянула зубами. Короткое, смазанное движение головой – и возжеленный пирожок исчез в наглой пасти, причем вместе с изрядным куском подноса.

– Ах ты тварь! – вознегодовал Горыныч и ловко огрел нахальную скотину остатком подноса.

Лошадь коротко взвизгнула от неожиданности и пустилась наутек. Распаленный праведным гневом Змей сначала запустил вслед беглянке столон, ничуть не заботясь о сохранности стоявшей на нем посуды, и ринулся следом, размахивая обломком Ваниного меча не хуже ветряной мельницы.

Первым пришел в себя Ваня. Он шумно сглотнул и заметил:

– Ничего себе лошадка! Видала, как половину железного подноса схрупала? Раз – и нету.

– Да-а-а, – согласно протянула я. – Такими зубами только орехи колоть и бутылки открывать удобно.

– Интересно, и много их тут таких?

– В смысле зубастых лошадей? Откуда я знаю. Тебе видней.

– Почему мне? – слегка опешил Ваня.

– Ты местный, а я нет, – припечатала я.

Он как-то смущенно заерзал на своей лавке, словно я объявила его виновным в разгуле нечисти.

– Он мой меч забрал, – шмыгнул носом детина.

– Ну и что?

– У тебя есть меч, а у меня нет.

Ну это уж совсем детский сад, трусы на лямках. У меня еще коса есть, а у него нет. Давай теперь еще карманы вывернем и проверим, у кого мелочовки больше.

– Это тут при чем?

– При том что почти стемнело, а мы в лесу и вокруг ша-стают разные твари.

Я с удивлением обнаружила, что он прав. За порогом пещеры стремительно темнело, а дверь в жилище Змея как-то не была предусмотрена строителем. Досадная оплошность, заставившая меня побледнеть и понизить голос практически до шепота:

– И много у вас тут таких?

– Не знаю. Люди, правда, не пропадают, но они до темноты домой возвращаются. Кому же в лесу ночевать охота? А скотина часто пропадает. Иногда собаки во дворах так жутко воют...

Словно в подтверждение сказанного, в лесу раздался одинокий волчий вой.

– Мамочки, – прошептала я, невольно пододвигаясь к парню ближе.

Воображение услужливо нарисовало кишмя кишашую в зловещей темноте леса нечисть. Я щедро поделилась познаниями о видах нежити и нечистой силы с парнем. Теперь мы оба, почти седые от страха, сидели и дрожали, плотно

прижавшись друг к другу.

– Т-ты ж-же в-ведь-дьма, – простучал зубами Иван.

– А-а-а отку-куда т-ты з-знаешь? – удивилась я.

– Т-так я ж-же в-всех в д-деревне з-знаю. А т-теб– бя в п-перв-в-вый раз в-вижу.

– Н-ну и ч-что?

– К-к н-нам в-в-ведь-дьма д-д-должна б-была п-приехать.

– Н-ну и ч-что?

– Д-дверь нак-колдуй.

– Н-не м-могу.

– П-почему?

– Н-нас эт-тому н-не уч-чили.

– Ж-жаль, – огорчился он.

И мне жаль. Такая нужная вещь – дверь, а наколдовать не могу. Взгляд мой упал на фарфоровые осколки чашек на полу.

– А д-давай п-проход заб-баррик-кадируем, – предложила я гениальную идею.

– Д-давай. Т-только чем?

– С-столом.

Иван посмотрел в сгущающийся за порогом сумрак и за-тряс головой, даже перестав клацать зубами от страха.

– Нет. Туда я не пойду.

– Я тоже. Я стол одна не донесу, – вздохнула я.

И очень боюсь. Но этого вслух не сказала.

– Давай вместе пойдем.

Что ж. Мысль здравая.

Мы сомкнули ряды плечом к плечу и с видом гладиаторов, идущих на смерть, промаршировали к выходу. В плотно сгустившейся темноте отчетливо виднелись громады деревьев. На одиноко стоящей ели оглушительно ухнул филин, заставив нас синхронно подпрыгнуть от неожиданности.

– И г-где с-стол? – отбивая зубами чечетку, поинтересовался усекновитель доисторических ящеров.

– Понятия не имею, – честно созналась я. – А давай на земле поищем.

– Д-давай, – кивнул Ваня.

Остатки стола обнаружились практически сразу. Крепкая дубовая столешница распалась на доски, валяющиеся возле самого порога. Отломанные ножки лежали тут же. Плачевное зрелище. И чем теперь баррикадироваться прикажете? Доски есть, а гвоздей нет.

– А мы их лавками подопрем.

Идея мне понравилась. Доски втащили в пещеру, перегородили вход, подперли лавками, дровами, даже ковер сверху кинули. Баррикада получилась хлипкая, но уж какая есть.

Мы обозрели плоды рук своих и вздохнули. Сооружение против нечисти устоит секунд пять... и то если нам крупно повезет.

– Может, ты круг магический нарисуешь? – предложил Ваня.

Я пожала плечами. Ладно, круг так круг. Только мой круг

не устоит и перед муравьем, но не будем разочаровывать местное население. Пусть хоть кому-то из нас будет спокойно. Да и с чего мы взяли, что местных монстров интересуют наши сомнительные личности? Может, они вообще вегетарианцы или предпочитают исключительно говядину.

Баррикаду пришлось разбирать. Все необходимое для круга нашли в пещере, пошарив по углам. Всего-то и нужно было найти что-нибудь символизирующее четыре стихии. С водой, огнем и землей проблем не возникло, а вот с воздухом... Обычно эту стихию символизирует перышко. Легкое, летучее – самое то. Но у Змея ни одной подушки не обнаружилось, кур он тоже не держал, филина с елки смазать не удалось, сбить тоже. Камень просвистел мимо, сбил мелкую ветку над головой птицы, глаза филина резко увеличились в размерах, он укоризненно ухнул и предпочел retirроваться, оставив нас без последней надежды добыть перья. Надо же, какой эгоист. Мог бы сбросить парочку, мы бы и отвязались.

Да-а-а... Затея с перьями полностью провалилась. Магический круг без перьев и прочей атрибутики начертить вполне можно. В принципе магическим кругом является любой круг, начертанный магом. От мага требуется лишь сосредоточиться на подвластной ему стихии. Но это действует только у магов, а у меня с этим нестыковочка. Поэтому я и выбрала из всех существующих кругов самый нетрадиционный. Почему именно такой? Да потому, что в обычных учебниках

схему этого круга не упоминают. Он относится к запрещенной магии.

Откуда я знаю запрещенную магию? Из запретной библиотеки, разумеется. Честно говоря, я понятия не имела, что библиотека запрещенная. Дверь как дверь. Комната как комната. Наткнулась я на нее совершенно случайно. Просто со мной в школе никто не хотел дружить. Я слишком отличалась от остальных. Ученики недоумевали, почему меня до сих пор с треском не выгнали вон. Я разделяла их мнение. С магией я не дружила – ни в теории, ни на практике. Поэтому ученики из семей ведьм и магов водиться со мной не хотели. Правда, они считали дружбу со всеми, кто не являлся выходцем из магических семей, ниже своего достоинства. А обычные ученики обладали хоть сколько-нибудь выраженным даром, которого у меня не наблюдалось.

Поэтому и в школе и в Академии я была довольно одиноким ребенком. Даже при подготовке заданий в библиотеке мне доставались только те книги, которые не понадобились другим ученикам. Так было до тех пор, пока я не обнаружила совершенно неприметную комнату, скрытую за говорящей дверью. Дверь тоже меня ничем не удивила. В период сессии у нас каких только чудес не наблюдалось, и это несмотря на противомagическую защиту, наложенную в целях безопасности на Академию Волшебства. Даже при таких серьезных мерах предосторожности находились самородки, умудряющиеся разрушить альма-матер практически до ос-

нования. Академию восстанавливали, самородка в спешном порядке отправляли на остров Маргедон для обучения на боевого мага. И так до следующего раза.

Дверь отказывалась меня впускать. В ответ я пригрозила ей сожжением. Причем не магическим огнем, а так – облить бензинчиком и бросить спичку. Дверь задрожала от страха и услужливо распахнулась. Огромная комната была заполнена стеллажами с книгами. Сколько их там было, не берусь сказать, но очень много. Приятно поразило полное отсутствие учеников. Я притащила стул, маленький складной столик, тетради и конспекты. К немалому разочарованию, почти все книги оказались на непонятных языках. Но я не унывала и записалась на факультатив к профессору Лингвису, преподающему иностранные и волшебные языки, включая эльфийский, гномий и пр., чем немало порадовала старенького профессора. Единственный предмет, где я действительно добросовестно изучала древние манускрипты и старалась расшифровать мертвые языки.

Все было бы хорошо, только однажды я решила написать курсовую работу на тему «Магия крови в боевых заклинаниях практикующего мага». Ничего не подозревающий о происхождении первоисточников магистр боевых магических искусств Яромир Добронравов прочел плод моих ночных бдений в запрещенной библиотеке и тронулся умом. Говорят, когда его забирали в спецбольницу для свихнувшихся магов, стены его комнаты плакали кровью.

Вот так и обнаружилось, что так часто посещаемая мною библиотека, которую я считала своим убежищем от внешнего мира, запретная. Ее спрятали в стенах Академии потому, что темным силам вряд ли удастся пробраться туда незамеченными. А вот я умудрилась отыскать помещение, тщательно скрытое от посторонних глаз. Здесь были собраны книги, которые в последнюю войну магов сочли опасными.

Ректор Академии меня сурово отчитал, библиотеку перенесли, за курсовую поставили «отлично» и благополучно запретили к прочтению.

Теперь настал черед попробовать приобретенные знания на практике. Насчет результата особо обольщаться не приходилось. Зато сам ритуал постановки магического круга выглядел мистически внушительно, и потому я выбрала именно его. Неужели придется отказаться от круга только потому, что злосчастный филин благополучно сделал ноги, тьфу, крылья, тем самым лишив меня недостающего компонента? Стоп. Когда меня останавливали такие мелочи?

Пришлось вернуться в пещеру и внимательно обшарить углы по второму кругу. Сложное дело, когда не имеешь понятия, что ищешь. Наконец в одном из темных углов от моей любопытной физиономии испуганно метнулся паук.

– Ага! Попался, голубчик!

Я ловко сцапала ажурную паутину, несчастный обездоленный паучок в панике заметался по нагло разграбляемому имуществу.

– Извини, дружок, очень нужно, – сочувственно вздохнула я, сдувая бездомное насекомое с пальцев.

Паучок шустро умчался куда-то в щель. Мне показалось или он действительно погрозил оттуда лапкой? Спокойно, Вика. Так и до зеленых человечков дофантазироваться можно. Коль из стенок лезут руки, не пугайся – это глюки, утешила я саму себя.

Для начала я начертила мечом круг вокруг холма. Ваня сопровождал меня в качестве телохранителя с факелом в руке и исправно шарахался от каждого шороха. Затем я, напевая соответствующие заклинания, вырыла четыре ямки и торжественно закопала в одну из них уголек, в другую – землю из пещеры, в третью влила чашку воды, в четвертую положила паутину. Как только паутина была закопана, по всему контуру круга пробежали голубые язычки пламени.

Ваня уважительно присвистнул, поэтому не услышал мой удивленный вскрик или подумал, что так полагается по ритуалу. Магический огонь угас, но, стоило мне закрыть глаза, я его видела. Мало того, он четко отпечатался в сознании. Я остро ощущала вибрацию магического контура и растерянно моргала глазами. Интересно, так положено или нет? И спросить-то не у кого. Вот ведь закавыка!

Баррикаду сложили вновь. Я тихо свернулась калачиком на ковре возле очага. Глаза тут же закрылись.

– Будить, только если нечисть начнет меня есть, – сонно

пробормотала я.

«Хотя тогда будет уже поздно». Это я додумала, засыпая.

Снился странный сон, будто кто-то настойчиво скребется в мое сознание и просит впустить.

Разбудил меня Ваня. Бесцеремонные толчки в бок выведут из себя кого угодно, а я так вовсе впала в бешенство. Причем спросонок я за себя не отвечаю. Незаметный жест рукой, короткая вспышка, и огорченный вопль:

– Уй-уй! За что?!

Проснувшись и не поверила своим глазам. Пещеру скудно освещал свет от догорающих углей. По центру, совершая невообразимые па, скакало нечто человекообразное, но с пяточком, пороссячими ушами и хвостиком. Ну и танец! Заставит побелеть от зависти южноафриканское племя тумба-юмба. Куда там их ритуальным танцам до наших! При ближайшем рассмотрении танцор оказался Ваней.

– Ура! – радостно вскричала я и запрыгала по комнате. – У меня получилось! Я умею колдовать!!!

Ваня надулся как мышь на крупу. В глубине души, где-то очень глубоко, я понимала, что причины у парня есть. Нежданно-негаданно обзавелся пороссячим пяточком, ушками и хвостиком, причем этот комплект на маленькой свинке смотрится очаровательно, а на лице и фигура бугая – странно.

– А нечего было меня будить, – вместо оправданий фыркнула я.

Ну не люблю я внезапных побудок! Сон – это одно из немногих удовольствий, которое я ценю.

– Там Горыныч пришел, – обиженно шмыгнул пяточком Ваня.

– И из-за такой ерунды ты меня разбудил? – возмутилась я. – Мне что, полагается ему хлеб-соль вынести?

– Он говорит, твой круг не дает ему войти.

Серьезно? Ну дела... Еще и круг сработал как надо. Просто день сюрпризов. Вернее, ночь. Стоп. Круг рассчитывался на нежить и всякую там нечистую силу. Горыныч зомби?! Мама дорогая! И когда только успел.

– Значит, Змей уже зомби. И стоило будить меня из-за таких пустяков! – нарочито спокойно заявила я, хотя внутри меня все похолодело и оборвалось.

С живыми мертвецами мне еще сталкиваться не приходилось. А уж таких размеров и подавно. Слышала, зомби не большие поклонники солнечного света. Может, к утру ему надоест топтаться у порога и он уйдет? Хотя продуктов у нас навалом, воды тоже, выдержим недельную, а то и месячную осаду.

– Ладно, – небрежно махнула я рукой. – Завтра проснусь и упокою.

– А как быть с мужиком?

– Каким мужиком? – встрепенулась я.

Иван махнул рукой в сторону выхода:

– Там с Горынычем стоит мужик. Говорит, ты у него меч

свистнула.

Какой меч? Взгляд мой наткнулся на позолоченные ножны. Ах этот... Но его хозяин лежал в гробу и не дышал. Ну точно, мертвец ожил и вернулся за своим мечом. Надо же, какой жлоб. Клинок пожалел для бедной беззащитной девушки.

– И его завтра утром упокою, – отмахнулась я.

Если, конечно, удастся. Но вслух по понятным причинам этого я не сказала. Зачем смущать сомнениями неокрепшие умы. Тем более успокаивать ходячих мертвецов я еще не пробовала. А вдруг получится? С кругом получилось же.

На этой оптимистичной ноте я погрузилась в сон.

– Не будить... – прошептала я или, может, только подумала.

Впрочем, неважно.

Пробуждение оказалось приятнее, чем можно было ожидать. Во-первых, хозяйственный Ваня успел приготовить нехитрый завтрак, состоящий из яичницы с колбасой и бутербродов с колбасой же. Запили ароматным чаем с дымком из самовара и нагло съели все малиновое варенье, обнаруженное за одной из лавок. Правда, его было-то литра два. И зачем оно теперь Горынычу? Разве зомби едят сладкое? Насколько мне известно, живые мертвецы специализируются на мясе.

Я больше не могла смотреть в совершенно несчастные глаза Вани, полные неизбывной тоски, и попробовала его расколдовать. После пятой попытки, когда парень уже побывал гигантской мышью, хомячком, кроликом, самим собой, но с ослиными ушами, мне удалось вернуть Ване облик, данный ему при рождении. Парень так обрадовался, что бросился меня целовать, несмотря на протесты с моей стороны, видимо совершенно позабыв, по чьей вине он так мучился. Я не стала напоминать. Еще пришибет ненароком. Вон какой большой, сильный, а я маленькая, хрупкая, зато умная.

К большому разочарованию Вани – он очень хотел посмотреть на упоение покойников, – мужика на месте не оказалось, звать мы его не стали. Зато на пеньке в позе роденовского Мыслителя кручинился зеленый ящер.

– А-а-а!!! – возопил Ваня, размахивая над головой ножкой стола. – Отведай-ка силушки богатырской, зомби проклятый!

Легко быть смелым, когда я защитный круг не сняла.

Я закрыла глаза и представила, как круг исчезает, а нерастраченная магическая энергия возвращается ко мне. К моему удивлению, силовой барьер послушно растаял. Шок – не то слово. Я впала в состояние, близкое к протрации. Ванюша тоже разом как-то сник, видимо, раздумывал, как ему аукнется ласковое «зомби проклятый».

Змей поднялся с земли и грустно поплелся в сторону собственного жилища, не обращая на нас ровно никакого внимания. Похоже, он все-таки не зомби. Да-а, неудобно как-то получилось. Не пустили несчастного ящера в собственный дом. А ведь он, между прочим, вымирающий вид, его охранять надо, а мы...

– Горыныч! – с надеждой позвала я. – Ты не обижайся, а?

Но ящер уже исчез в глубине пещеры и на мои вопли не обратил ни малейшего внимания. Хотя вру. Он просто забаррикадировался изнутри. Надо же, какой обидчивый.

Мы подошли к пещере и деликатно постучали. Внутри слышалась возня, грохот, что-то с шумом рухнуло на пол. Змей выругался, затем поволок, судя по звуку, нечто невероятно тяжелое на импровизированную баррикаду. Куча старья выросла буквально за несколько секунд, сводя шансы на мирное урегулирование конфликта практически к нулю.

– Горыныч, – ласково позвала я.

Шум стих. Видимо, Змей напряженно прислушивался или пытался сделать вид, будто его нет дома. Не поможет. Мы видели, как он вошел внутрь. У него ведь нет запасного выхода. Или есть?

– Горыныч, выходи, – предложила я.

– Выходи, – поддержал меня Ваня. – А то хуже будет.

– Мы знаем, что ты там, – добавила я.

– Ага. Я выйду, а вы внутри запретесь, – шмыгнул носом Горыныч. – Нет уж, дудки. Сами дом себе стройте, а меня оставьте в покое.

– Зачем нам твой дом? – поинтересовалась я.

– А почему вы тогда ночью меня не пускали?

– Мы думали, ты мертвяк, – откликнулись мы.

– Хотели утром упокоить, – добавил ему Ваня.

И почему этот парень говорит обо мне во множественном числе? Или их тут всех в школе учат, как нежить упокоивать? Ничего себе предмет для сельской школы. Хотя по нашей жизни самое то.

– Не надо меня упокоивать! – испугался Змей.

– Ладно. – Ваня засучил рукава.

Горыныч этого видеть не мог, но по тону детины догадался, что последствия будут ужасны, и заметался по пещере, какмышь, застигнутая на столе. Баррикада грозила перерастить в нечто не менее монументальное, чем знаменитая Китайская стена. В ход шли даже быющиеся предметы. В стремле-

нии защитить родную пещеру Горыныч шел на любые жертвы.

Тем временем наглые захватчики чужих пещер в лице ведьмы и ражего детины готовились к решающему штурму. Я оказывала моральную поддержку войскам, самозабвенно вдохновляя Ванюшу на ратный подвиг и обещая воителю неувядаемую славу в веках. Балладу в честь будущего героя сложить не смогли из-за отсутствия в наших многочисленных рядах менестреля. Досадно.

Крепость Иван решил брать с разбегу. Отошел подальше к деревьям. Я дала отмашку веточкой березы. Иван стартовал и... с разбегу воткнулся головой в баррикаду. Только ноги торчали наружу.

– Горыныч!!! – завопила я. – Посмотри, что ты наделал!

– Я?! – ошеломленно воскликнул Змей.

У него действительно оказался запасной выход, и голос ящера прямо над ухом заставил меня взвиться вверх от неожиданности.

– Ну не я же, – ехидно фыркнула я, прикидывая, как теперь спускаться с елки.

И угораздило же забраться на такую высоту с испуга! Да-а-а. Нервишки надо лечить.

Первым извлекли из завала Ивана. Снимать меня с дерева Горыныч отказался, предположив, что раз уж я умудрилась залезть на него без посторонней помощи, то и спуститься на землю смогу самостоятельно. Я тяжело вздохнула, за-

тем честно попыталась найти точку опоры для ног. Кажется, удалось. Раздался треск... Дико вереща, я рухнула вниз, ломая по пути ветки. На земле орали уже двое. Я пребольно ударилась о жесткую шкуру Горыныча и добавила своему многострадальному организму новые синяки и ссадины. Змей потирал ушибленную голову и ругал на чем свет стоит одну непутевую, неуклюжую ведьму, которая лазить по деревьям научилась, а вот обучиться спуску не удосужилась.

Несмотря на наши совместные усилия, Ваню в чувство привести не удалось. Хорошо хоть Горыныч оказался незлопамятен и вызвался проводить меня до деревни. Сама бы я плутала по лесу не меньше месяца, и мои дочиста обглоданные кости нашли бы грибники.

Змей легко взвалил поверженного витязя на плечо, и мы тронулись в путь.

Все-таки ящеру не чуждо благородство. Ваня на него с мечом полез, вместе со мной в пещеру не пускал, а он теперь транспортирует поверженного героя до дома. Кстати, положив руку на сердце, в собственном травматизме Ванюша сам виноват. Зачем надо было бросаться грудью на баррикады? Ладно, плечом. Но «грудью на баррикады» звучит лучше, чем «плечом на свалку», хотя суть от этого не меняется.

– Добрый ты, Горыныч, – восхищенно заметила я.

– Это почему? – удивился он.

Можно сказать, я его упрекаю, а не комплимент отвесила.

– Иван за тобой с мечом гонялся, а ты его на себе до деревни тащишь.

– Ах это... – махнул чешуйчатой лапой ящер. – Ерунда. Ваня так на свою невесту впечатление старается произвести.

Интересно посмотреть на девушку, которая требует от жениха гоняться за доисторической говорящей рептилией

с огромной железякой наперевес. От кого она решила избавиться таким экзотическим способом: от ненужного жениха или от Змея?

– И чем ты ей не угодил? – поинтересовалась я.

– Она меня в глаза не видела, – вздохнул Горыныч. – Просто угораздило Ваню влюбиться в Василису.

Надо же, Иван и Василиса. Очень на сказку смахивает. Типа в некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иванушка-дурачок, и решил он жениться непременно на царской дочке, ибо она умница-разумница, красавица-раскрасавица и в приданое ей полцарства полагается. А царевна, не будь дура, решила жениха испытать. Рыцарских романов заморских начиталась и решила жениха озадачить неожиданным заданием. Принести то, не знаю что, уже неактуально. Раз сама не знаешь, что это будет, принесет какую-нибудь дрянь, доказывай потом, что не заказывала во дворец всякую пакость тащить. Вот и решила царевна украсить тронный зал чучелом дракона. И не хуже чем в Европе, и познавательно. Лишний раз в музей естествознания ходить не надо.

– Просто царевна из сказки, – хмыкнула я.

– И никакая она не царевна, – возразил Змей, устраивая сползшего Ваню повыше на плечо, – обычная библиотечарша. Красивая – это правда. А Ваня как ее увидел – умом тронулся. Решил подвиг в честь нее совершить: либо дракона убить, либо балладу сложить о ее красоте.

– Так и сложил бы. Влюбленному стихи настрочить, как два пальца об асфальт. Во всяком случае, это проще, чем гоняться за тобой по лесу.

– Не скажи. Ваня начисто лишен творческих способностей. Стихи у него получаются на любителя, а музыка и того хуже. После торжественного воспроизведения виршей Ваню побили. Теперь он переквалифицировался в дракоборца и минимум раз в месяц ходит в лес меня убивать.

– И ты так спокойно к этому относишься? – поразилась я.

– А я привык. Первое время пугался, не каждый день поединчики выискиваются. Теперь – ничего. Вон меч новый откует, глядишь, через месяц опять заявится.

Бедная Василиса! Такими темпами она до старости будет жениха дожидаться. В воображении возникла картина: немощный старец, согнувшийся под тяжестью прожитых лет, тяжело волочит за собой огромный ржавый меч, а в деревянной избе прядет пряжу седая старуха в ожидании свершения подвига возлюбленным.

Деревня встретила нас полным безлюдьем. Только собаки привычно лаяли, и то больше для порядку. Солнце жарило всюю, дома блестели окнами, на обочинах деловито копошились многочисленные куры. Деревня обезлюдела. Может, у них покос или надои? Не знаю, какой аврал может случиться в деревне, но что-то же произошло. И куда теперь девать Ивана, если неизвестно, где он живет?

Решили спросить у кого-нибудь. Постучались в пять до-

мов подряд, никто не открыл, лишь пестрая черно-белая кошка с надеждой мяукнула нам и разочарованно отвернула усатую морду.

– Ты говорил, Василиса в библиотеке работает. Давай отнесем его к ней.

– Точно! – оживился Змей. – Она наверняка знает, где он живет.

Вход в библиотеку располагался в торце сельсовета. К немалому нашему изумлению, на подходе к ней мы обнаружили пропавший народ. Люди сидели за накрытыми столами, установленными прямо на улице и сдвинутыми вместе. Во главе стола величаво восседал Овцынов. Похоже, народ что-то праздновал. Ну надо же! А меня не пригласили. Нехорошо. Я вчера не обедала, не ужинала и не завтракала, а они тут водку пьянствуют. Несправедливо.

Я тихо присела с краешку на свободный стул. Раз угощают всех, чего стесняться?

– Чего празднуем? – полюбопытствовала я, пихая соседа в бок.

– Ведьму хороним, – ответил мужик, обернулся и узрел мирно притулившегося сбоку Горыныча с бесчувственным Ваней через плечо.

– Всё. Больше не пью, – выпучил глаза селянин и рухнул под стол.

Слабонервный народ у нас пошел. Чуть что – сразу в обморок. Чисто барышни. Стоп. А какую они ведьму хоронят? Случайно не меня? Нет. Я же живая. Меня они хоронить не могут. Хотя другой ведьмы у них вроде не было. Ага. Кого я слушаю? Овцынова? Так у него и нечисти не было, пока коровку не схарчили. В конце концов, какая мне разница.

Покормят, и хорошо.

Овцынов постучал по бокалу, требуя внимания, поднялся, глубоко вздохнул и с важным видом принялся вещать:

– Мало кто из нас успел хорошо узнать покойную. – Он грустно потупился в салат и смахнул скупую мужскую слезу. – Но за тот короткий срок, что она была с нами, она показала себя как смелый борец с нечистью. Эта хрупкая женщина, можно сказать – девушка... можно сказать, совсем дитя, приняла бой с двадцатью волками-мутантами. Она не побоялась ни клыков, ни когтей для того, чтобы дать охотникам сразить разгулявшегося монстра. Она берегла наш с вами покой, погибла за наше с вами будущее... Так выпьем же за Викторию Загнибеду. Пусть земля ей будет пухом.

На последнем слове я поперхнулась оливье. Речь проникновенная, претензий нет. Но я-то жива!

– Рано хороните! – во всеуслышание заявила я. – Не дождетесь!

Немая сцена, достойная бессмертного «Ревизора» Гоголя. Только испуганно расплакался ребенок, со звоном упала вилка, и на другом конце села завyla собака.

– Надо же! И правда, ведьма! – ахнула дородная секретарша главы администрации.

Помнится, при нашей первой встрече она жевала мало-сольный огурец, да и сейчас не изменила своей привычке, нежно кося одним глазом на пупырчатого друга в тарелке.

Что тут началось! Овцынов отчаянно крестил меня кот-

летой на вилке, приговаривая:

– Сгинь, нечистая сила! Чур меня! Чур!

– Не обольщайтесь, уважаемый! – фыркнула я. – Чур вас я не хочу! А позавтракать не против.

– А-а-а! – заголосила какая-то тетка.

Все отхлынули в разные стороны. Неизвестно, чего больше испугались – ее воплей или моего соседства. Оба варианта равноценны.

– Она есть хочет!!!

– Ну хочу, – спокойно заметила я. – Чего орать-то? Нашли повод для воплей. Я обычный человек и имею вполне нормальные физиологические потребности, типа сон, еда...

– Она нас всех съест!!! – истерично кричала тетка.

Ей есть из-за чего переживать. Судя по формам, дракон средней величины не останется голодным.

– Граждане, не суетитесь! На всех меня все равно не хватит, – подбодрила я народ и придвинула поближе аппетитную курочку.

– А это кто? – Какой-то плюгавенький мужичонка ткнул трясущимся пальцем в сторону Горыныча.

Тот со здоровым аппетитом голодного дракона уплетал гуся с яблоками и от ответа воздержался.

– Зеленый Змий, – гордо заявила я. – Не узнали?

Офигевший в конец народ понял, что допился. Явился к ним Зеленый Змий, так сказать, во плоти. Горыныч мило улыбнулся, явив обалдевшей публике огромные клыки.

Те, кто послабже, выпали в осадок, остальные побледнели, но ничего, держатся. Молодцы.

Иван очнулся на гряде поверженных его падением тел, обозрел учиненный погром и выпучил глаза:

– Это я их?

– Ты, ты, – успокоила его Василиса, заботливо прикладывая к наливающейся шишке на лбу любимого компресс.

И где только успела взять?

Глаза Вани стали еще круглее:

– Ничего не помню.

– Не мудрено, вон какая здоровущая шишка! – промурлыкала Василиса.

– А что здесь произошло? – поинтересовался совсем обалдевший парень.

– Действительно. Нам тоже интересно послушать. Что же здесь произошло?

Вопрос прозвучал как гром среди ясного неба. На площади перед сельсоветом появилась четверка незнакомцев – трое мужчин и одна девушка. Впрочем, девушку я знала.

Мелена выглядела, как всегда, великолепно. Короткие волосы цвета баклажан уложены по последней моде явно дорогим стилистом. Стройное тело облегал темно-сиреневый комбинезон. Элегантная дамская сумочка в тон, небрежно перекинутая через плечо, была до того миниатюрной, что, казалось, не вместит и расческу. Но это не так. Ее сумка могла вместить множество вещей не хуже большого чемодана.

Такая замагиченная сумка стоила очень дорого, но все равно пользовалась у народа популярностью, так как нередко, помимо чар по увеличению вместимости, на нее накладывались чары изменения веса. В такой миниатюрной вещице можно кирпичи таскать, лишь бы материал не подвел.

Как все высокородные ведьмы, Мелена являлась счастливой обладательницей хвостика. Небольшого, но настоящего, даже с миниатюрной кисточкой на конце. Она нежно заботилась об этой части тела, кисточку расчесывала, украшала бисером. Многие сокурсницы черной завистью завидовали Мелене и пытались вырастить свой собственный хвостик магическим путем. Какими только ухищрениями не пользовались: и в полнолуние на муравейник садились, и мылись разнообразными отварами (после применения которых у большинства модниц появлялась страшная аллергия), и демонов вызывали. Правда, некоторым удавалось добиться желаемого и девушки щеголяли разнообразными хвостами – от пороссячьего до тигриного (у кого что получилось).

Трое мужчин представляли собой не менее живописное зрелище. Самому старшему на вид было не менее сорока. Темные волосы уже тронула благородная седина, лицо мужественное, из тех, что обращают на себя внимание женщин, хотя его нельзя было назвать красивым. Скулу пересекают старые шрамы, словно какая-то большая кошка небрежно мазнула когтями. Если учесть, что в каждой команде истребителей (а это были они, никаких сомнений) имеется непло-

хой лекарь, то это было жуткое создание, раз шрамы остались. Другой – в камуфляже, лет тридцати, с цепким взглядом охотника. Третий, самый молодой, с небесно-голубыми глазами, всего на курс-два старше меня. Звали его, кажется, Леша, учился на факультете целительства.

Настал звездный час Овцынова. Он с достоинством вылез из-под стола, царственным жестом смахнул с ушей остатки винегрета и начал повествование. Если не вдаваться в утомительные подробности, суть была такова: все было так хорошо – птички пели, клевер цвел, стада размножались, деревня процветала – пока не приехала одна стервозная ведьма. И тут началось... Полы намочила; стул, забор, фонарь испарила; избушку сломала; урон председателю в виде царапин на лице нанесла. Из его рассказа следовало, что, не будь меня, и корову-то никто жрать не стал бы. Мол, это случилось только благодаря моему попустительству и некомпетентности. Прямо так и сказал – некомпетентности. В довершение ко всему эта самая ведьма вызвалась на охоту за нечистой исключительно добровольно и для того, чтобы загладить свою вину перед деревней. Вернувшиеся с охоты мужчины красочно описали геройскую гибель несчастной. И он, как глава сельской администрации, принял решение вызвать команду истребителей. Все-таки не каждый день монстры закусывают приписанными к селу ведьмами. Отсюда, собственно, весь сыр-бор.

Я выпучила глаза на главу администрации, не находя слов, чтобы сказать уважаемому представителю власти, насколько он не прав в своих выводах. Затем, когда праведный гнев пе-

рестал перехватывать горло спазмами, я все-таки высказала многоуважаемому Овцынову все, что я о нем думаю, какими способами с использованием слесарного и садового инвентаря я бы его имела, если бы он, в сущности, не являлся противным козлом, чье происхождение туманно и неизвестно даже его предкам-извращенцам.

Народ уважительно заслушался. Кое-кто быстренько конспектировал мою пламенную речь, умоляя говорить не так быстро. Звучало это так:

– Помедленнее, я записываю!

Некоторые особо удачные выражения благодарная публика просила повторить на бис, особенно список нечисти, с которой предки уважаемого главы имели извращенные интимные отношения, составленный в алфавитном порядке.

К концу моего пламенного монолога группа истребителей тихо корчились на земле, обессилев от смеха и размазывая слезы. Только командор, не теряя достоинства, спокойно выслушал до конца, предложив изложить мою версию событий. Хотя и в его глазах таились веселые искорки. Или мне только показалось?

Моя версия была гораздо более правдоподобна. В принципе против истины я не погрешила, просто опустила некоторые детали. Зачем им знать про пещеру и мужика в гробу, про меч, который я случайно прихватила, и покойника, что приходил ночью требовать собственное имущество? Не отдам! После всех треволнений я заслужила некоторую

компенсацию.

Меня выслушали так же внимательно, как и Овцынова. Правда, председатель несколько раз пытался вставить несколько слов от себя лично, но его попытки пресекли в зародыше. Просто наложили заклятие немоты, и все. Открывает щука рот, а не слышно, что поет. Вопреки ожиданиям, Овцынов не поддался унынию и не стал молча стоять в сторонке, а принялся комментировать мой рассказ жестами. Когда всем надоели его ужимки, к чарам молчания добавили чары недвижимости. Теперь глава администрации вынужден был гневно сверкать на нас глазами. И только. Приятное разнообразие.

– Понятно. Весь сыр-бор разгорелся всего лишь из-за того, что одна сельская ведьма просто не вышла вовремя из леса, – разочарованно констатировал мужчина со шрамом.

Остальные укоризненно уставились на меня. Я покраснела и стыдливо потупилась. Действительно, неудобно как-то получилось.

– А как же волки-мутанты? – с надеждой поинтересовалась Мелена. – Мы их истреблять не будем?

Ух ты! Мелена просто рвется в бой! Берегись, нечистая сила. Грозная ведьма ступила на тропу войны.

– Полагаю, волки не стоят нашего внимания. Один мутант еще не проблема. Тем более местные с ним сами справились.

Я проследила за его взглядом и обалдела, узрев шест с насаженной на него волчьей головой. Ни фиги себе! Го-

лова ощерилась и грозно щелкнула зубами. Я вздрогнула и невольно попятилась. В деревне обо мне слишком хорошего мнения. Против стаи таких милых зверушек мне не выстоять и пары секунд. Слово «мама» договорить не успею. От перспективы стать обедом монстра слегка замутило. Не волнуйся, Вика, все благополучно закончилось. Теперь домой, в Москву. Снова вспомнить тепло чистой постели, аромат душистой ванны. И, что самое главное – никаких комаров, мошек и прочей живности, никто не станет подкладывать на подушкудохлых крыс. О счастье!

Как так получилось, что вместо спокойной телепортации в Москву мы принялись шастать по лесу в поисках того, не знаю чего? Словом, пока я с наслаждением парилась в баньке, услужливо предоставленной мне лебезящим Овцыновым, наши истребители времени даром не теряли: успели связаться со штабом и доложить об исполнении задания. Молодцы. Но сами нашли себе работенку. Начальство терпеливо выслушало отчет и приказало проверить подземную лабораторию. Вряд ли она представляет опасность, но подстраховаться не мешает.

Так что когда я появилась возле сельсовета с довольной улыбкой на лице и сумкой через плечо, Мелена поспешила «обрадовать» меня новостью о предстоящей экспедиции. Пока я с отвисшей челюстью пыталась смириться с мыслью об очередном походе в лес, кто-то сильно и очень настойчиво принялся дергать за штанину моих брюк.

Это был черный кот. Добившись моего внимания, он надсадно мяукнул и шустро забрался на плечи, используя штаны как своеобразное дерево для лазанья. Мои вопли и ругань ничуть не смутили черную бестию. Он спокойно и с достоинством потерся о щеку, удобно устроился вокруг шеи наподобие воротника и громко замурлыкал в ухо.

– Это еще кто такой? – опешила Мелена.

– Кот. Разве не видно? – раздраженно фыркнула я, потирая наиболее зудящие от когтей пушистика места.

Больно же, елки-мotalки!

– Хозяйством обзаводишься? – ехидно спросила Мелена. – Ну-ну.

Лес меня встретил не более гостеприимно, чем в прошлый раз. Где находится подземная лаборатория, я понятия не имела, о чем злорадно сообщила участникам нашего похода. Поэтому вел нас следопыт, тот самый мужик в камуфляже, он запоздало представился Матвеем Лисицыным. Матвей так Матвей. Не Сусанин, и ладно. Лешу Синельникова я уже знала по Академии. А вот кто действительно меня поразил, так это Игорь Липай. Один из самых знаменитых истребителей нежити и нечисти. На его счету столько упырей, вурдалаков, взбесившихся оборотней, что, собрав их вместе, можно получить приличную армию. Вот это да! Я иду в лес с живой легендой!

Где-то к полудню мой энтузиазм иссяк, к вечеру я и вовсе всех ненавидела, больше всех этого самого Лисицына, который весь день таскал нас по лесу; чуть меньше – кота, мирно храпящего у меня на шее. Захребетник несчастный. Нечего и говорить, что лабораторию мы не нашли. Сдается мне, найти дыру в земле могут лишь такие счастливики, как мы с Горынычем.

Я в очередной раз споткнулась и запахла носом, ругаясь на чем свет стоит. Все. Хватит. Отсюда ни ногой, – решила я.

Перевернулась на спину и невольно залюбовалась первыми звездами на темнеющем небе.

– Загнибеда, ты чего? – встревожилась Мелена.

Надо же, беспокоится. Странно, но приятно.

– Не видишь? Привал устраиваю. Сейчас полежу немного, схожу за лапником и устрою себе царское ложе.

– Нам идти надо, – заметил Леша, подгребая к нам.

Его глаза смотрели с нескрываемой завистью. Видно, парень тоже устал, но держится. Молодец. Глядишь, и наградят за особое рвение... Посмертно.

– Тебе надо, ты и иди, – огрызнулась я и даже сумку подложила под голову для особого комфорта.

Все. Теперь меня отсюда даже тягач не вытащит.

– Что случилось? – выразил неудовольствие Игорь.

– Да вот, – полный немого укора взгляд Мелены остановился на моей расprostертой на земле фигуре, – она вставать не хочет.

Глаза командора потеплели:

– Сломала что-нибудь?

– Нет, – мотнула головой я.

Зря. Хвоя нещадно впиалась в щеки, заставив невольно поморщиться.

– Только идти дальше отказываюсь. Мне и здесь хорошо.

Мой протест вызвал тяжкий вздох командора. Нет, ругаться он не стал, тащить за шкуру тоже, просто посмотрел на меня как на малое неразумное дитя, вызвав на моем лице

краску стыда. Хорошо хоть в темноте этого никто не заметил.

– Мы все устали не меньше тебя. Здесь неподходящее место для ночлега. Вот найдем хорошую поляну, разведем костер и отдохнем.

Ага. Так я ему и поверила. Он пообещает хоть луну с неба, лишь бы сдвинуть меня с места. К тому же никто не устанавливал конкретные сроки для обустройства лагеря, вполне можем проблуждать по дебрям хоть неделю. И что самое ужасное, про ужин не сказано ни слова.

– Чем вам это место не подходит? – поинтересовалась я. – По-моему, здесь здорово.

– Тут же одни деревья.

– Вот и хорошо, – уперлась я. – За дровами далеко ходить не надо.

– Мы здесь просто не поместимся.

– Ребята, вам тесно в лесу?

Кажется, Липаю надоело уговаривать упертую ведьму, он попросту махнул на меня рукой и продолжил путь. Остальные окинули мою распростертую на земле тушку завистливым взглядом и последовали за лидером. Ну и ладно. Не очень-то надо мне их общество. Завели в лес и бросили одну-одинешеньку.

Руки коснулось что-то мягкое и волосатое. Я взметнулась вверх с прытью чемпиона по прыжкам в высоту, только без шеста.

– А-а-а! – заорала я. – Убивают!!!

– Чего орешь как резаная? – спросило нечто черное с горящими в свете луны глазами.

– П-п-простите, а вы, собственно, кто? – спросила я незнакомца.

– Я? – опешил тот. – Кот. А что? Не видно?

– Говорящий кот? – обалдела я. Ноги мои ослабли, и я грохнулась на землю копчиком. – Разве коты разговаривают?

– Получше некоторых, – обиделся зверь.

Кот подошел поближе, встал на задние лапы и отвесил элегантный поклон, который сделал бы честь придворному кавалеру галантного века.

– Разрешите представиться: Василий, ваш фамилиар, – добил он меня.

– Простите, фами... кто? – спросила я, окончательно сбитая с толку.

Может, я при падении слишком сильно ударилась головой?

– Фамилиар, – спокойно повторил кот. – Между прочим, в тринадцатом поколении. Покойная Анастасия Павловна очень ценила моего прапрапрапрапрапрапрадеда.

– Понятно, – на всякий случай кивнула я, чтобы какой-то кот не считал меня темной идиоткой. Только его слова ничего не объяснили. – А кто такая Анастасия Павловна?

– Анастасия Павловна была последней ведьмой, официально проживавшей в этом селе. В ее доме я и проживал

до недавнего времени.

Здорово. Только все равно непонятно. Кто такие фамилиары? Почему со мной запросто болтает деревенский кот? И как мы будем устраиваться на ночлег, если у нас нет ни еды, ни спичек? Особенно удручало печальное отсутствие ужина, а в перспективе еще и завтрака.

Невезуха.

Через пятнадцать минут мы натаскали гору хвороста, достаточную, чтобы поддерживать приличный огонь в течение суток. Через полчаса попытка нарубить мечом лапник для постели с треском провалилась. Кот оказался слишком мал, чтобы удержать оружие в лапах, и с завидным постоянством шмякался мордой в лесную подстилку, а я попадала по чему угодно, кроме веток. Пришлось сменить тактику и попросту обломать непокорный лапник. Через полтора часа постель была готова. Не царское ложе, но для сносного ночлега сойдет.

С огнем оказалось труднее. Три часа мы пытались с упорством, достойным лучшего применения, добыть его методом трения при помощи палочек. Единодушно решили, что вредные историки врут и древние люди, даже будучи семи пядей во лбу, добыть таким глупым способом могли разве что мозоли, а метод афишировали для дезориентации противника. Через четыре часа на мне не осталось живого места от многочисленных укусов кровососущих насекомых, и я перестала обращать внимание на надоедливый писк комариной

братии. Еще через пятнадцать минут я вспомнила о наличии в сумке спичек. С досадой хлопнула себя по лбу, убив очередного кровососа, и злорадно ухмыльнулась. Еще через пятнадцать минут общими усилиями обнаружили коробок со спичками на самом дне сумки. Открыли. Нащупали одинокую спичку, чиркнули и... спичка сломалась возле самой головки, сведя наши шансы к уютным посиделкам возле костра практически к нулю.

Еще через полчаса, когда я уверилась в том, что мы с котом умрем и наши дочиста обглоданные диким зверьем кости найдут случайные грибники лет эдак через двадцать, Василия озарила светлая мысль:

– А нельзя огонь просто наколдовать?

Идея поставила меня в тупик. Теоретически это возможно. Любой мало-мальски уважающий себя маг может осуществить подобное, произнеся незамысловатое заклинание и щелкнув пальцами. Практически же мне этого никогда не удавалось. Я выразила сомнения по этому поводу:

– Ты что? Обалдел? Я этого не умею.

Кот опустился на колени и пополз ко мне.

– Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! – всхлипывал он. – Ну что тебе стоит? Ты ведь даже не пыталась. А вдруг получится?

Вот это самое «вдруг» меня и напрягало. Я из тех магов, что сделать хотят грозу, а получают козу. С другой стороны, что я теряю?

Целый час я мучилась, тщетно пытаюсь вызвать хоть искру огня. Напрасно. На языке от заклинаний мозоль натерла, пальцы, щелкая, сбила в кровь. Толку – ноль целых, ноль десятых. Итак, подведем неутешительные итоги. Что мы имеем? Выбившуюся из сил ведьму и совершенно отчаявшегося

кота.

– Мы все умрем! – в отчаянии взрыдал он и принялся рвать шерсть на всем теле, куда только мог дотянуться когтистыми лапками.

Видя такое горе, я прониклась безграничным сочувствием к страдальцу и решила прибегнуть к последнему методу. Запрещенной магии. В конце концов, что я теряю? Никто ведь даже не узнает. Кот в заклинаниях не разбирается, а ближайшие маги учесали в неизвестном направлении, бросив нас на растерзание лесным зверям.

Так. Для заклинания необходим камень. Кажется, я пару раз споткнулась о подходящий, пока искала хворост. Точно. Он лежал под сосной. Я водрузила его недалеко от импровизированной кровати, тихо прошептала нужное заклинание и коснулась булыжника указательным пальцем. Яркая вспышка на мгновение заставила зажмуриться. Опять перемагичила. Раздались радостные вопли кота. Я с опаской открыла сначала правый, затем левый глаз...

Огонь! Булыжник горел синим магическим пламенем!

– Ура! Получилось! – завопила я, присоединяясь к дикому танцу вокруг добытого пламени.

Теперь понятно, почему дикие племена питали нездоровую страсть к пляскам по любому поводу. Когда что-нибудь достается таким трудом, это заставляет человека испытывать очень сильные чувства.

Костер – это здорово. Приятно посидеть с друзьями возле

уютно потрескивающего огня, поджаривать сосиски на палочках... При одной мысли о съестном в животе началась революция местного значения. Я тяжело вздохнула. Ужин в ближайшее время нам не светил и не грел. Досадно, но тут ничего не попишешь.

– Что с тобой? – Котик с озабоченным видом прислушался к бурлению в моем животе. – Ты заболела?

– Ага. Скоро опухну от голода, – тяжело вздохнув, кивнула я.

– Ах да! Конечно! – с видом Архимеда воскликнул пушистик, хлопнув пушистой лапкой по лбу. – Как я мог забыть!

Кот сорвался с места и резво умчался в ночь.

– Э! Куда?!

Мой крик затерялся в темноте среди деревьев и так и не был услышан.

Ну вот. Одна. Совсем одна. Ночью, в лесу. Вокруг никого, может, на километры. Мамочки, как же страшно! Я зябко пожелилась, обняла себя за плечи, чтобы хоть как-то согреться. Не помогло. Мурашки на теле вовсе не означали озноб от пониженной температуры ночного воздуха. Просто страшно.

Кто-то большой и страшный тарасился на меня из ночи. Глаза размером с плоску горели сверхъестественным огнем. Я замерла от ужаса, чувствуя, как на всем теле волосы встают дыбом от внезапного открытия. Шансов дожить до утра ноль целых, ноль десятых. Животные боятся огня. С чего ты взяла? Ты же, Викочка, из города ни ногой. Так во всех

учебниках по зоологии написано. Ага. Только если это действительно животное. А кто же это может быть? Я же в лесу. В лесу обычно водятся звери... и нечисть. Мама!

Рука непроизвольно нащупала увесистый сук. Инстинкт самосохранения взял верх над страхом, сковавшим тело. С душераздирающим криком я метнула свой импровизированный снаряд в противника. Глухой удар – и тушка офигевшего от такого приема филина шлепнулась вниз. Однако! Попала... Неожиданно, но приятно. Только птичку все равно жалко.

Задремать удалось только под утро. Все волновалась, как там котик: один, в темноте, маленький и беззащитный. Я тоже одна, но у меня есть костер, а у него нет ничего для самозащиты. Может, стоило дать ему свой меч? Нет. Кот с холодным оружием, разгуливающий по ночному лесу? Бред сумасшедшего. Тем более меч я сама с трудом таскаю. Ну и тяжеленная железяка. Куда уж котенку.

В чуткий тревожный сон исподволь вкрался посторонний звук. Громкое шуршание, хрупанье, возня. Наконец-то котик вернулся. Стоп. Чем это он так вкусно хрупает? А я? Мне что, полагается умереть с голоду? А вот фигушки.

Я вскочила на ноги. Увиденное вогнало в ступор. Некоторое время глаза просто отказывались верить в реальность происходящего. Моя сумка подверглась наглому нападению со стороны вездесущей змееокой лошадки. Конь шипел как закипающий чайник, пытаясь отхватить кусок упорно

защищающейся сумки. Сумка проявила невиданную доселе прыть. Щелкая застежками и высоко подпрыгивая на месте, она ловко избегала конских зубов, попутно стараясь цапнуть зарвавшееся животное за морду. Несмотря на яростное сопротивление сумки, одна ручка была оторвана, ее жевала наглая скотина как импровизированную жвачку.

Ну и бестия! Жрать мою сумку!

Идиотка, надо очертить магический круг! Ага. А когда он последний раз у тебя действовал? Хм... Дайте-ка подумать... Вчера. Правда, это случилось впервые, но лиха беда начало. Сумку-то замагичить смогла, а круг – это вообще для начинающих.

Я бросилась на обнаглевшую бестию. Не тут-то было! Предыдущий опыт общения показал наглой животине, что не так страшна ведьма, как ее малюют. Лошадка, нимало не испугавшись, зашипела по-змеиному, ни дать ни взять – закипающий самовар. Затем вывернула шею и лягнула в мою сторону зубами. Я опешила. Вот это зубки! Пожалуй, такими голову откусить можно. Ну, может, не голову, а руку – точно.

– А-а-а! – взвизгнула я, бросаясь наутек. – Не ешь меня, я невкусная!

Лошадь кинулась за мной следом. Мы пробежали кругов десять вокруг огня, прежде чем я вспомнила о мече. Еще через пару кругов удалось выхватить оружие из сумки. Сумка преданно распахнулась и вывалила меч наружу. Как толь-

ко рукоять оказалась в руке, я резко затормозила, споткнулась и чуть не пропахала носом землю. Не ожидавший такого финта конь, вместо того чтобы воспользоваться моим уязвимым положением и растоптать, просто перепрыгнул через меня, как на соревнованиях по конному спорту.

Коротко взвизгнув, я перекатилась в сторону и только после этого вскочила на ноги.

– Ну все, стели, гад, гроб – ты спать пришел! – выдала я, отбрасывая в сторону ставшие ненужными ножны.

Лучи утреннего солнца сверкнули на великолепном эльфийском клинке. Глаза лошади испуганно расширились, конь неуверенно попятился. Смятение противника придало мне сил. С криком «банзай!» я кинулась на врага. Конь, коротко взвизгнув, развернулся на сто восемьдесят градусов и бросился наутек. Я ринулась следом, стараясь не терять из виду высоко подпрыгивающий черный круп лошади. Деревья и непролазный кустарник ничуть не смущали улепetyвающую со всех копыт тварь, а я поминутно спотыкалась о выступающие из земли корни, рубила мешающие ветки и ругалась на весь лес.

Конь наглым образом улизнул. Повезло ему. В боку закололо, пришлось остановиться. Вовремя. Еще пара прыжков – и знакомое болото. Я испуганно вытаращилась на возникшую ниоткуда темную воду. На мгновение представила, что не успела затормозить... Аж мороз по коже. Я зябко передернула плечами. Брр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.